

Туве Янссон

ВОЛШЕБНАЯ ЗИМА

Annotation

Мы продолжаем наше путешествие в сказочную страну, населенную прелестными существами муми-троллями. Мы узнаем, почему зима оказалась волшебной и как надо вести себя в этом случае. Удивительные существа населяют Долину муми-троллей. Конечно, это не люди, но в Филифьонке, которая верила в катастрофы и в Хемуле, который любил тишину вы сможете узнать самих себя.

Книга содержит рисунки автора.

- [Оглавление](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
- [Карта Муми-дола](#)
 -

Оглавление

Тове Янссон
Волшебная зима

[Карта Муми-дола](#)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дом, занесенный снегом

Небо было почти черным, а снег при свете луны – ярко-голубым.

Под ледяным покровом неподвижно спало море, а глубоко в земле среди древесных корней всем мелким зверюшкам и насекомым снилась весна. Но до весны было еще очень далеко – новый год только-только вступил в свои права.

На том самом месте, где долина мягко и естественно начинала подниматься в гору, стоял, утонув в снегу, дом. Он напоминал причудливый снежный сугроб и выглядел очень одиноким. Совсем рядом, среди обледенелых берегов, извивалась черная как уголь река: быстрое течение не позволяло ей замерзнуть зимой. На мосту же не видно было никаких следов, да и вокруг дома лежали никем не тронутые снежные сугробы.

В доме было тепло. В подвальной печи медленно горел торф. Пробивавшийся в окошко лунный свет освещал белые чехлы, которыми на зиму закрыли мебель, и укутанную тюлем хрустальную люстру. А в гостиной, возле самой большой, какая только была в доме, изразцовой печи, все семейство муми-троллей спало долгим зимним сном.

Они всегда погружались в спячку с ноября до апреля, потому что так уж повелось со времен их предков, а муми-тролли придерживаются семейных традиций. У всех у них, так же как и у предков, животы были набиты еловой хвоей; рядом же с кроватями в ожидании ранней весны муми-тролли сложили все, что может понадобиться, когда они проснутся: лопаты, солнечные очки, киноплёнки, анемометры и тому подобные вещи первой необходимости.

Тишина и покой были полны ожидания.

Порой кто-то вздыхал во сне и, свернувшись клубочком, еще глубже зарывался в свою перину.

Луч луны, блуждая по гостиной от кресла-качалки к столу, переполз через медные шары, украшавшие спинку кровати, и ударил Муми-тролля прямо в лицо.

А потом случилось нечто неслыханное, не случавшееся никогда с тех самых пор, как первый муми-тролль погрузился в зимнюю спячку. Маленький Муми-тролль проснулся и заснуть уже больше не мог.

Он взглянул на лунный свет, на ледяные узоры, покрывавшие оконное стекло. Муми-тролль услышал, как внизу, в подвале, что-то бормочет печь, – с малыша все больше и больше слетал сон, и он все сильнее и сильнее удивлялся тому, что происходит. В конце концов он встал и едва слышными шагами подкрался к маминной кровати. Он осторожно потянул ее за ухо, но она не проснулась, а свернулась клубочком.

"Если уж мама не просыпается, других и подавно не разбудишь". – подумал Муми-тролль. Неслышно побрел он по такому теперь чужому и таинственному дому. Все часы давным-давно остановились, и повсюду лежал тонкий слой пыли. На столе в гостиной стояла с осени суповая миска, а в ней – остатки еловых иголок. Наверху, под потолком, в своем тюлевым одеянии тихонько позвякивала хрустальная люстра.

Внезапно Муми-тролль остановился в теплом сумрачном углу, куда не проникал лунный свет, и ему стало страшно. Он вдруг почувствовал себя ужасно одиноким и покинутым.

Весь мир исчез!

– Мама! Проснись! – закричал Муми-тролль и потянул ее за одеяло.

Но мама не просыпалась. Сны, в которых ей снилось лето, стали чуть беспокойнее и грустнее, но проснуться она так и не смогла. Муми-тролль свернулся калачиком на коврике рядом с ее кроватью. На дворе по-прежнему стояла долгая зимняя ночь.

Когда рассвело, тяжелый снежный сугроб на крыше вдруг зашевелился. Он все сползал и сползал вниз, а потом решительно съехал с края крыши и мягко шлепнулся на землю.

Теперь все окна были погребены под снегом и лишь слабая полоска света просачивалась в дом сквозь покрытые ледяными узорами стекла. Гостиная больше чем когда-либо казалась какой-то неправдоподобной, словно она притаилась глубоко внизу, под землей.

Муми-тролль долго прислушивался, наострив уши, потом зажег ночник и бесшумно подкрался к комоду, чтобы прочесть весеннее письмо Снусмумрика. Оно лежало на своем обычном месте, под трамвайчиком из пенки, той самой, из которой делают трубки. Письмо это как две капли воды было похоже на все остальные весенние письма Снусмумрика. Он оставлял их Муми-троллю каждый год, отправляясь в октябре на юг.

Наверху большими круглыми буквами было написано: **"Привет!"** Само же письмо было кратким:

"Спи спокойно и не горюй. В первый же теплый весенний день я вернусь к тебе. Жди меня, будем вместе строить запруды."

Снусмумрик".

Муми-тролль много раз перечитал письмо, пока не ощутил, что проголодался.

Он пошел на кухню. Кухня тоже находилась глубоко, на много миль под землей, и там было необыкновенно чисто, прибрано и пусто. В кладовке было тоже хоть шаром покати. Муми-тролль нашел лишь бутылку брусничного сока, который уже начал бродить, и полпакета запыленных хрустящих хлебцев.

Муми-тролль уселся под столом и, перечитывая письмо Снусмумрика, принялся за еду.

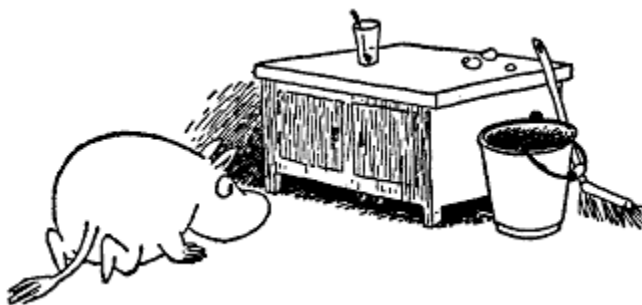
Потом он лег на спину и посмотрел на квадратные деревянные чурбачки под столешницей. Стояла глубокая тишина.

– "Привет!" – прошептал вдруг Муми-тролль первую строчку из письма Снусмумрика и стал дальше читать наизусть: – "Спи спокойно и не горюй. В первый же теплый весенний день..." – тут он чуть повысил голос и вдруг запел во все горло: – Я вернусь к тебе! Я вернусь к тебе! И наступит весна, и будет тепло, и я вернусь к тебе, и к тебе вернусь я... к тебе... и навсегда-навсегда-навсегда!..

Тут Муми-тролль внезапно смолк, пронзенный взглядом крошечных глазок, уставившихся на него из-под кухонного столика.

Он тоже уставился на эти глазки. В кухне по-прежнему стояла тишина. Потом глазки исчезли.

– погоди! – испуганно воскликнул Муми-тролль. Он подполз к столику и тихонько поманил того, кто только что смотрел на него: – Выходи, выходи. Не бойся! Я добрый. Вернись...

Но тот, кто жил под кухонным столиком, не возвращался. Муми-тролль разложил на полу несколько ломтиков хрустящего хлебца и налил немного брусничного сока в блюдечко.

Когда он потом снова вернулся в гостиную, хрусталики на потолке грустно позвякивали.

– Ну, я пошел! – сурово сказал Муми-тролль хрустальной люстре. – Вы все мне надоели, и я иду на юг, чтобы встретиться со Снусмумриком.

Муми-тролль попытался открыть входную дверь, но она крепко-накрепко примерзла к косяку.

Повизгивая, Муми-тролль стал бегать от окна к окну, но и там все тоже крепко-накрепко примерзло. Тогда Муми-тролль бросился на чердак, распахнул слуховое окошко и вылез на крышу.

Волна холодного воздуха обдала Муми-тролля, да так, что дух захватило. Поскользнувшись, он скатился с крыши и, беспомощно барахтаясь, въехал в новый, опасный для него мир и впервые в жизни глубоко окунулся в снежный сугроб. Что-то неприятно кольнуло его бархатную шкурку, а нос его тут же почуял какой-то новый запах. Запах был более резкий, нежели все знакомые ему прежние запахи, и чуть-чуть отпугивающий. Но именно он заставил его окончательно проснуться и пробудил интерес к окружающему.

Сероватый полумрак густой пеленой затянул долину. Но сама долина была не зеленой, как прежде, а белой. Все застыло там, стало неподвижным и сонным.

Белый покров сгладил все углы и неровности.

– Это снег. – прошептал Муми-тролль. – Мама слыхала рассказы про него, и он так и называется – снег.

Между тем, хотя сам Муми-тролль даже не подозревал об этом, его бархатная шкурка решила превратиться в шубку, которая может понадобится зимой. Правда, на то, чтобы отрастить шерстку, уйдет немало времени, но решение было принято. (И на том спасибо.)

С трудом пробираясь сквозь снежные сугробы, Муми-тролль подошел к реке. Той самой прозрачной речушке, что так весело бежала летом по саду семьи муми-троллей. Но теперь она казалась совсем иной – черной и равнодушной. Река тоже принадлежала к тому новому миру, где Муми-тролль чувствовал себя чужим.

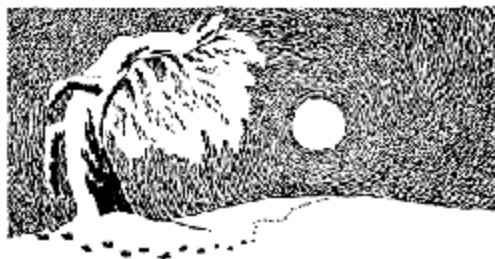
На всякий случай он взглянул на мост, перекинутый через реку, и на почтовый ящик. И мост и почтовый ящик ничуть не изменились.

Муми-тролль слегка приподнял крышку ящичка, но там никаких писем не было, он обнаружил лишь увядшие листья, на которых ничего не было написано.

Муми-тролль уже привык к запаху зимы, и этот запах не казался ему каким-то особенным.

Муми-тролль взглянул на куст жасмина – сплошное сплетение голых веток – и с ужасом подумал: "Жасмин умер. Весь мир умер, пока я спал. Этот мир принадлежит кому-то другому, кого я не знаю. Быть может, Морре. Он не создан для того, чтобы в нем жили муми-тролли".

Мгновение Муми-тролль колебался. Но потом подумал, что бодрствовать одному среди тех, кто спит, еще хуже, и, осторожно ступая, проложил первые следы на заснеженном мосту и дальше вверх по склону. Следы были очень маленькие, но твердые и вели, плутая между деревьями, прямо на юг.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Заколдованная купальня

По берегу моря, чуть подальше к западу, бестолково скакал туда-сюда по снегу маленький бельчонок. Он был ужасно неразумный и в мыслях своих любил называть себя "бельчонок с хорошеньким хвостиком".

А вообще-то он никогда подолгу ни о чем не задумывался. Чаще всего он обходился тем, что чувствовал или ощущал. Вот и сейчас он как раз почувствовал, что матрасик в его дупле стал совсем жесткий, и выскочил из дупла поискать новый.

Время от времени, боясь забыть, что он ищет, бельчонок бормотал про себя слово: "Матрасик..."

Бельчонок был такой забывчивый!

Он прыгал между деревьями, выскакивал на лед, задумываясь, тыкался мордочкой в снег, глядел в небо, потряхивая головкой, и снова прыгал дальше.

В конце концов бельчонок очутился возле пещеры и быстренько шмыгнул туда. Забравшись так далеко, он совершенно забыл про матрасик. Вместо того чтобы раздобыть себе свежую подстилку, он уселся на свой хвостик и начал думать о том, что его, кроме того, вполне могли бы величать "бельчонок с хорошенькими усиками".

Глубоко в сугробе, прикрывавшем вход в пещеру, кто-то постелил солому. На соломе стояла большая картонная коробка с отверстием для воздуха в крышке.

"Вот чудно! – удивился бельчонок. – Прежде этой картонки здесь не было. Должно быть, тут какая-то ошибка. А может, это совсем не

та пещера? А я, может, тоже не тот самый бельчонок, хотя мне не хотелось бы этому верить".

Он расковырял уголок крышки и просунул голову в картонную коробку.

Внутри, в тепле, лежало что-то очень мягкое и приятное. И бельчонок вспомнил вдруг про свой матрасик. Его мелкие острые зубки прокусили дырку в этом мягком и вытащили из картонки клочок шерсти.

Он вытаскивал один клочок шерсти за другим, у него накопилась уже целая охапка шерсти, а он по-прежнему прилежно работал всеми четырьмя лапками. Бельчонок был очень доволен – у него будет новый матрасик!

И вдруг он почувствовал, что кто-то пытается укунить его лапку. Бельчонок мгновенно отдернул ее и, с минуту поколебавшись, решил не пугаться, а лучше разведать, что там такое.

Мало-помалу из отверстия в крышке показались взъерошенные волосы и злое личико малышки Мю.

– Ты в своем уме?! – воскликнула она.

– Не знаю, – ответил бельчонок.

– Ты разбудил меня, – строго продолжала малышка Мю, – и съел мой спальный мешок. Как это получилось?

Но бельчонок так разволновался, что опять забыл, зачем он это делал.

Малышка Мю фыркнула и совсем вылезла из картонки. Прикрыв крышкой спящую в картонке сестру Мюмлу, она потрогала снег рукой.

– Так вот ты какой! – воскликнула она. – Чего только не придумают!

Она тут же слепила снежок и метко бросила его в бельчонка, после чего вышла из пещеры, чтобы стать полновластной хозяйкой зимы.

Первое, что она сделала, это поскользнулась на обледенелой горке и довольно сильно ударилась.

– Вот как! Вот как оно бывает, – рассердилась она.

Но тут вдруг подумала о том, до чего смешно она, Мю, выглядит с задранными кверху ногами, и долго хохотала. Потом взглянула на горку, немного поразмышляла и, воскликнув "ага!", съехала на хвостике с горки вниз, подсакивая и хохоча и уносясь далеко-далеко по блестящему скользкому льду.

Она скатилась с горки целых шесть раз и только тогда заметила, что у нее замерз животик.

Тогда малышка Мю снова пошла в пещеру и вытащила из картонной коробки свою спящую сестру. Мю наверняка никогда прежде не видела санки, но чутье подсказало ей, что они вполне могут получиться из картонной коробки.

Что же касается бельчонка, то он сидел в лесной чаще и рассеянно поглядывал то на одно дерево, то на другое.

Он не мог, даже если бы пришлось пожертвовать своим хвостиком, вспомнить, в дупле какого дерева он жил и вообще ради чего он прискакал в лес и что там искал.

Муми-тролль еще совсем недалеко ушел от дома, как под деревьями уже начала сгущаться мгла.

С каждым шагом лапы его все глубже увязали в снежных сугробах, а снег уже не казался ему таким занятным, как раньше.

В лесу царила мертвая тишина. Там не видно было ни души. Время от времени с ветвей срывались снежные шапки. Качнувшись на миг, ветви вновь замирали, и в лесу опять становилось безжизненно и тихо.

"Весь мир погрузился в зимнюю спячку, – подумал Муми-тролль. – Один я тут брожу и никак не могу заснуть. Я один буду брести и брести без конца все дни и все недели напролет, пока сам не превращусь в сугроб, о котором никто даже знать не знает".

Но вот лес кончился, и внизу, под ногами Мумитролля, открылась новая долина. По другую сторону он увидел Пустынные горы. Словно волны устремились гребни гор – один за другим – к югу, и никогда еще не казались эти горы такими пустынными.

Только теперь Муми-тролль начал мерзнуть по-настоящему. Вечерняя мгла напознала из ущелья и медленно взбиралась на оцепеневшие от холода гребни гор. Там, наверху, словно острые белые зубы на черной скале, лежал снег. И повсюду, насколько хватал глаз, лишь белое да черное, пустота да одиночество.

"Там, за горами, Снусмумрик, – сказал самому себе Муми-тролль. – Где-то на юге он ест апельсины. Если бы я был уверен, что он знает, как я ради него собираюсь перевалить через горы, я бы решился на такой шаг. А иначе ничего у меня не выйдет".

И, повернувшись, Муми-тролль начал медленно по своим собственным следам двигаться назад.

"Я заведу все часы в доме, – подумал он. – Тогда, быть может, весна придет поскорее. А потом может ведь случиться так, что если я нечаянно разобью какую-нибудь крупную вещь, кто-то проснется".

Но он знал, что никто из семейства не проснется.

Внезапно что-то случилось. Какой-то маленький след пересекал следы Муми-тролля. Некоторое время Муми-тролль тихонько разглядывал чужой след. Ктото живой осторожно крался по лесу, быть может, всего каких-нибудь полчаса тому назад. И уйти далеко чужак не мог. Он шел по направлению к долине и был, должно быть, меньше самого Муми-тролля. Лапки чужака слегка погружались в снег.

Муми-тролля кинуло в жар.

– Подожди! – закричал он, чувствуя, что весь горит: от кончика хвоста до ушей. – Не уходи от меня!

Хныча и спотыкаясь, побрел Муми-тролль по снежному полю, и внезапно на него нахлынул жуткий страх перед мраком и одиночеством. Страх этот, должно быть, таился где-то с тех самых пор, как Муми-тролль проснулся в спящем доме, но только теперь он дал ему волю.

Муми-тролль больше не кричал, боясь ничего не услышать в ответ. Не отрывая мордочку от следа, который едва виднелся в темноте, и непрерывно всхлипывая, Муми-тролль полз и полз по снегу.

И вдруг он увидел огонек. Совсем маленький, он озарял все вокруг мягким, красноватым светом.

Муми-тролль сразу успокоился и, забыв про следы, медленно пошел на свет. Он шел, пока не добрал до самого огонька и не увидел, что это горит самая обыкновенная стеариновая свеча. Она была глубоко и надежно воткнута в снег, а рядом с ней возвышалась остроконечная крыша домика, сложенная из круглых снежков, прозрачных и красновато-желтоватых, как абажур ночника в доме муми-троллей.

Неподалеку от этой необычной лампы кто-то лежал, глубоко зарывшись в снег, и, глядя в суровое зимнее небо, тихонечко насвистывал.

– Что это за песенка? – спросил Муми-тролль.

– Это песенка обо мне, – ответили из ямки. – Песенка про Туу-тикки, которая сложила из снежков снежный фонарь, но в припеве говорится совсем о другом.

– Понятно, – сказал Муми-тролль и сел прямо в снег.

– Ничего тебе не понятно, – дружелюбно произнесла Туу-тикки и высунулась из ямки, так что стала видна ее куртка в красно-белую полоску. – Потому что в припеве говорится как раз о том, чего нельзя понять. А я думаю сейчас о северном сиянии. Неизвестно, есть оно на

самом деле или это одна видимость. Все очень неопределенно, и это-то меня и успокаивает.

Туу-тикки снова нырнула в свою ямку и продолжала плядеть в небо, успевшее за это время стать совсем черным.

Муми-тролль поднял мордочку кверху и увидел северное сияние, которого никогда прежде до него не видел ни один муми-тролль. Оно было бело-голубым и чуть-чуть зеленоватым и, казалось, обрамляло небо длинными, колыхавшимися на ветру занавесками.

– Я думаю, северное сияние есть на самом деле, – сказал Муми-тролль.

Туу-тикки не ответила. Она подползла к снежному фонарю и вытащила оттуда свою свечку.

– Возьмем ее домой, – сказала она. – А не то явится Морра и сядет на нее.

Муми-тролль серьезно кивнул в ответ. Он видел Морру всего один-единственный раз в жизни. Это было давным-давно, августовской ночью. Холодная как лед, вся серая, Морра сидела в тени кустов сирени и смотрела на них. И как смотрела! А когда она скрылась, то оказалось, что на том месте, где она сидела, замерзла земля.

На какой-то миг Муми-тролль призадумался: может, и зима наступила оттого, что десять тысяч морр уселись на землю. Но он решил поговорить об этом с Туу-тикки, когда познакомится с ней поближе.

Пока они спускались по склону горы, в долине стало светлее, и Муми-тролль понял, что взошла луна.

Туу-тикки повернула на запад и пошла напрямик через фруктовый сад.

– Здесь раньше росли яблоки, – заметил общительный Муми-тролль, глядя на голые деревья.

– А теперь здесь растет снег, – равнодушно ответила Туу-тикки и пошла дальше.

Они спустились к морю – сплошной черной пелене мрака – и осторожно вышли на узкие мостки, ведущие к купальне.

– Отсюда я обычно нырял в воду, – тихонько прошептал Мумитролль и посмотрел на прошлогодние желтые сломанные камышины, торчавшие из-под льда. – Вода была очень теплая, и я всегда делал по девять заплывов под водой.

Туу-тикки открыла дверь купальни. Войдя туда, она поставила свечу на круглый столик, который папа Мумитролля давным-давно выловил в море.

В восьмиугольной семейной купальне мумитроллей ничего не изменилось. Пожелтевшие веники на дощатых стенках, окошки с мелкими зелеными и красными стекольцами, узкие скамейки и шкаф для купальных халатов, надувной резиновый хемуль, которого никогда не удавалось как следует надуть.

Все было таким же, как летом. И все-таки купальня как-то таинственно изменилась.

Туу-тикки сняла шапочку, которая тут же сама собою влезла на стенку и повисла на гвозде.

– От такой шапочки я бы тоже не отказался, – вздохнул Мумитролль.

– А тебе шапочка ни к чему, – возразила Туу-тикки. – Чтобы согреться, тебе надо помахать ушами, и сразу станет тепло. А вот лапам твоим – холодно.

И тут вдруг, откуда ни возьмись, на полу появилась пара шерстяных чулок, которые важно легли у ног Мумитролля.

Одновременно в трехногой железной печурке, стоявшей немного поодаль, зажегся огонь и кто-то под столом начал осторожно играть на флейте.

– Они стесняются, – объяснила Туу-тикки. – Поэтому и играют под столом.

– А почему они не показываются? – спросил Мумитролль.

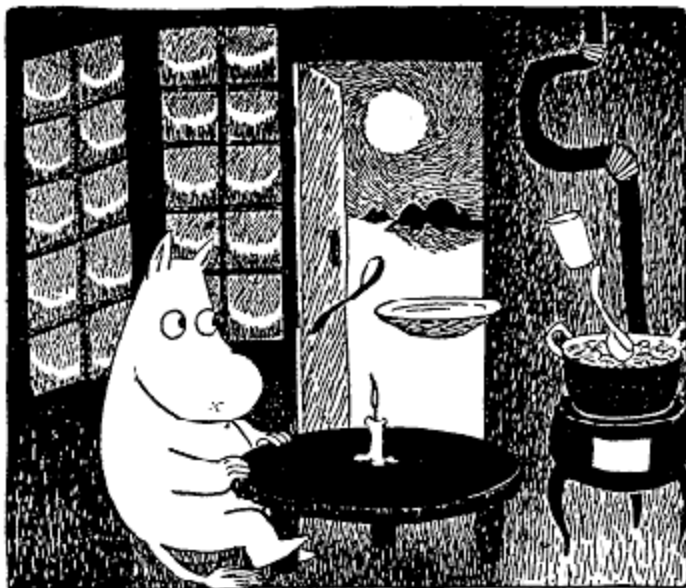
– Они так застенчевы, что стали невидимками, – ответила Туу-тикки. – Это восемь совсем маленьких мышек-землероек, которые живут вместе со мной в купальне.

– Эта купальня папина, – заявил Муми-тролль.

Туу-тикки серьезно взглянула на него.

– Может, ты и прав, а может, и нет, – сказала она. – Летом она папина, зимой – Туу-тиккина.

Котелок, стоявший на печурке, закипел. Крышка сама собой поднялась, а ложка начала помешивать суп. Другая ложечка всыпала в котелок немного соли и аккуратно вернулась на подоконник.

Близилась ночь, и мороз крепчал, а лунный свет заглядывал во все зеленые и красные стекольца.

– Расскажи мне про снег, – попросил Муми-тролль и уселся в выгоревший на солнце папин шезлонг. – Я не понимаю, что это такое.

– Я тоже, – ответила Туу-тикки. – Думаешь, он холодный, а если вылепить из него снежный домик, там становится тепло. Он кажется белым, но иногда он розовый, иногда – голубой. Он может быть мягче всего на свете, а может быть тверже камня. О нем ничего нельзя знать наверняка.

Вдруг, откуда ни возьмись, плавно прилетала по воздуху тарелка ухи и встала прямо под носом Мумитролля.

– Где твои мышки научились летать? – спросил он.

– Не важно, – ответила Туу-тикки. – Нельзя же обо всем расспрашивать этот народец. Может, мышкам не хочется открывать свои тайны. Не твоя это печаль, да и о снеге тоже не беспокойся.

Прихлебывая из тарелки уху и глядя на угловой шкаф, Муми-тролль подумал о том, как приятно, оказывается, знать, что твой собственный старый купальный халатик висит в этом шкафу. И что среди всего нового и тревожного есть что-то надежное и привычное. Муми-тролль помнил, что его купальный халатик – голубой, что на нем оторвана вешалка и что в одном кармане, возможно, лежат солнечные очки. В конце концов он произнес:

– Мы храним здесь наши купальные халаты. Мамин халат висит в самой глубине шкафа.

Туу-тикки протянула лапку и поймала прилетевший по воздуху бутерброд.

– Спасибо, – поблагодарила она мышек-невидимок и попросила Муми-тролля: – Только никогда не открывай этот шкаф. Обещай мне никогда его не открывать.

– Не буду я ничего обещать, – угрюмо ответил Муми-тролль, глядя в свою тарелку.

Ему вдруг показалось, что самое главное в мире – это открыть дверцу шкафа и посмотреть, висит ли там на месте купальный халатик. Огонь в печурке так разгорелся, что в трубе зашумело. В купальне стало совсем тепло, а под столом флейта продолжала наигрывать свою сиротливую мелодию.

Невидимые лапки убрали со стола опустевшие тарелки. В море стеарина утонул фитилек свечи, и она погасла. И теперь в купальне светился лишь красный плазок печурки да на полу – узор из зеленых и красных стеклышек, нарисованных лучами лунного света.

– Я собираюсь ночевать сегодня дома, – строго сказал Муми-тролль.

– Правильно! – одобрила Туу-тикки. – Луна еще не зашла, так что ты, наверно, найдешь дорогу.

Дверь распахнулась сама собой, и Муми-тролль ступил в снег.

– А все-таки, – сказал он, – все-таки мой голубой купальный халатик висит в этом шкафу. Спасибо за уху.

Дверь снова закрылась, и Муми-тролль остался наедине с лунным светом да тишиной.

Он быстро глянул на замерзшее, обледеневшее море, и ему показалось, что где-то далеко на горизонте маячит огромная неуклюжая Морра.

Он увидел, как она ждет среди прибрежных валунов. А когда он шел лесом, ее тень упорно пряталась за каждым деревом. То была та самая Морра, которая могла сесть на все свечи в мире и заставить померкнуть все краски.

Наконец Муми-тролль пришел в свой спящий дом. Он медленно влез на огромный сугроб с северной стороны и подобрался к слуховому окошку на крыше, окошко все еще было приотворено.

Воздух в доме был теплый, там пахло муми-троллями, и от шагов Муми-тролля звякнула, приветствуя его, хрустальная люстра. Муми-тролль взял свой матрац и положил его рядом с маминой кроватью. Тихонько вздохнув, она что-то пробормотала во сне. А что – он так и не понял. Затем, тихонько рассмеявшись, она перекатилась поближе к стене.

"Я не принадлежу больше к тем, кто спит, – подумал Муми-тролль. – А к тем, кто не спит, – тоже. Я не знаю, что значит проснуться и что такое – спать".

И он тут же мгновенно заснул, и сирень, что цветет летом, укрыла его своей ласковой зеленой тенью.

Малышка Мю лежала в своем рваном спальном мешке и злилась. К вечеру подул сильный ветер, и он задувал прямо в пещеру. Мокрая картонная коробка лопнула в трех местах, а клочья шерсти, выдранные из спального мешка, беспорядочно летали по всей пещере из угла в угол.

– Привет, старушенция! – закричала малышка Мю и толкнула в спину свою сестрицу Мюмлу. Но Мюмла продолжала спать, она даже

не шевельнулась.

– Ну, я начинаю по-настоящему злиться, – сказала малышка Мю.
– Один раз в жизни понадобилась сестра, и вот на тебе пожалуйста!

Она отшвырнула пинком спальный мешок. Потом подползла к входному отверстию пещеры и с явным восхищением выглянула в холодный мрак.

– Вот я вам всем сейчас покажу, – угрюмо пробормотала малышка Мю и заскользила вниз с горы.

Здесь было гораздо пустыней, чем на краю света (если, конечно, кому-нибудь довелось побывать так далеко). А снег разметало по льду большими серыми волнами. И еще прежде чем зашла луна, побережье исчезло во мраке.

– А теперь поехали! – сказала малышка Мю.

Ее юбки заколыхались на резком северном ветру. Она покатила среди снежных сугробов, туда-сюда, растопырив лапки и удерживая надежное равновесие, которое необходимо, если ты настоящая Мю.

Свеча в купальне уже давным-давно погасла, и, проезжая мимо, малышка Мю увидела лишь очертания остроконечной крыши на глади неба. "Это наша старая купальня", – подумала Мю и вдохнула резкий и опасный запах зимы. Она остановилась у края берега и прислушалась. В глубине Пустынных гор, невероятно далеко отсюда, завывали волки.

– Выходит, дело нешуточное! – пробормотала малышка Мю и ухмыльнулась в темноте.

Ее чутье подсказало ей, что где-то здесь – дорога в Муми-дол и к дому, где есть теплые одеяла, а может, даже и новый спальный мешок. И она побежала между деревьями напрямик по берегу к дому.

Она была такая маленькая, что ее ножки совсем не оставляли следов на снегу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лютая стужа

Теперь все часы снова шли – Муми-тролль завел их во всем доме, чтобы не чувствовать себя таким одиноким. Но так как счет времени он утратил, то поставил часы на разное время – может, какое-нибудь и окажется правильным.

Иногда били часы, звенел будильник, и это утешало Муми-тролля. Но он не мог забыть самое ужасное – то, что больше не желало всходить солнце. И правда: день за днем каждое утро брезжил какой-то серенький рассвет, который переходил мало-помалу в длинную зимнюю ночь.

А солнце так и не всходило. Оно где-то потерялось, может, оно унеслось в космос. В самом начале Мумитролль отказывался в это верить. Он долго ждал, не покажется ли солнце вновь.

Каждый день он спускался к морскому берегу и садился в ожидании, повернув мордочку на восток. Но ничего так и не случалось. Тогда он шел домой, закрывал за собой слуховое окошко на чердаке и зажигал свечи, стоявшие длинным рядом на выступе изразцовой печи. Тот, кто обитал под кухонным столиком, по-прежнему не вылезал, чтобы поесть, а жил, по-видимому, своей собственной, ужасно таинственной и важной жизнью.

По льду ковыляла Морра, тоже занятая своими собственными мыслями, которые никто до сих пор так и не смог разгадать, а в шкафу купальни за купальными халатами затаилось что-то ужасно опасное. Ничего тут не поделаешь!

Неизвестно почему, но такое бывает в жизни, и ты перед этим беспомощен.

Муми-тролль отыскал на чердаке большую коробку с глянцевыми картинками и, восхищенный по-летнему яркими красками, принялся мечтательно их разглядывать. Там было все: и цветы, и восходы солнца, и маленькие автомобильчики со светлыми и яркими колесиками. Блестящие мирные картинки напомнили ему о том прекрасном мире, который он утратил.

Сначала он разложил картинки на полу гостиной, а потом догадался расклеить их по стенам. Он клеил медленно и тщательно, чтобы картинки подольше держались; самые же красивые он наклеил над кроватью своей спящей мамы.

Муми-тролль клеил и клеил картинки, пока не добрался до зеркала; и тут он вдруг увидел, что большой серебряный поднос исчез. Он всегда висел справа от зеркала на ленте, вышитой красным крестиком.

Муми-тролль очень разволновался, так как мама любила этот поднос. Поднос был семейной драгоценностью, которой никогда не пользовались, и единственной вещью в доме, которую начищали к празднику летнего солнцестояния. Осталась только лента да темный овал на обоях.

Огорченный, Муми-тролль стал расхаживать по дому и искать поднос. Его нигде не было, зато он обнаружил, что исчезла уйма других вещей – подушки, одеяла и кастрюли, исчезли мука и сахар. Исчезла даже грелка с вышитой на ней розой, грелка, которую обычно надевали на кофейник.

Муми-тролль принял близко к сердцу все эти пропажи, потому что чувствовал себя в ответе перед всем спящим семейством. Сперва он заподозрил в краже того, кто жил под кухонным столиком. Он заподозрил было Морру и того, кто прятался в шкафу купальни. А вообще-то это мог быть кто угодно: зима была полна удивительных существ, таинственных и странных.

"Надо спросить Туу-тики, – подумал Мумитролль. – Правда, я хотел наказать солнце и не выходить из дома, пока оно не вернется. Но тут дело поважнее".

Выйдя из дома, Муми-тролль увидел перед самой верандой в сероватой полумгле незнакомую ему белую лошадь. Она смотрела на него своими блестящими глазами. Муми-тролль осторожно поздоровался. Однако лошадь не шевельнулась.

И тут он увидел, что лошадь сделана из снега.

Вместо хвоста у нее была метелка из тех, что лежали в дровяном сарае, а вместо глаз – маленькие зеркальца.

В зеркальных глазах Снежной лошади Муми-тролль увидел самого себя, и это испугало его. Тогда он, сделав крик, обошел ее и быстро засеменял вниз к голым кустам жасмина.

"Если бы хоть здесь оказался кто-нибудь знакомый мне с прежних времен, – думал Муми-тролль. – Ктонибудь вовсе не таинственный, а совсем обыкновенный, который тоже проснулся бы и не узнал самого себя. Тогда можно было бы сказать: "Привет! Какой ужасный холод! И до чего плулый этот снег! А ты видел, какими стали кусты жасмина?! А помнишь, летом..." Или что-нибудь в этом роде!"

Туу-тики сидела на перилах моста и пела:

Я – Туу-тики, я слепила лошадь,
дикую белую лошадь, что скачет галопом,
что топчет лед перед тем, как наступит ночь,
белую величественную лошадь, что скачет галопом
и несет великую лютую стужу на своей спине.

Потом шел совершенно непонятный припев.

– Ты о чем это поешь? – грустно спросил Мумитролле.

– О том, что вечером мы лошадь обольем водой из реки. Тогда ночью она замерзнет и станет ледяной. А когда явится великая лютая стужа, лошадь умчится галопом и никогда не вернется.

Немного помолчав, Муми-тролле сказал:

– Кто-то уносит вещи из папиного дома.

– Так это же здорово, – весело сказала Туу-тикки. – Тебя и так окружает слишком много вещей. И тех, о которых ты вспоминаешь, и тех, о которых ты только мечтаешь.

И тут Туу-тикки запела новую песню.

Муми-тролле резко отвернулся.

"Она меня не понимает", – думал он, уходя. За его спиной по-прежнему звучала ликующая песня.

– Пой, пой, – пробормотал, всхлипывая, Муми-тролле. – Пой о своей противной зиме с черными льдинами и злыми лошадьми из снега и всем этим чудным народцем, который никогда не показывается, а только прячется!

Тяжело ступая, он двинулся дальше вниз по склону; он сердито пинал снег, и слезы замерзали на его мордочке. Внезапно он запел свою собственную песенку. Он кричал, он горланил изо всех сил, чтобы Туу-тикки услышала его и разозлилась.

Муми-тролле запел свою злую песенку:

Что вы прячетесь, злые зверюшки, глупые вы притворялы?

Утащили вы солнце, чтобы серо и холодно стало.

Я здесь так одинок, я устал пробираться в снегу,

о зеленых деревьях долины забыть не могу.

Вспоминаю я волны на море, голубую веранду мою,
не хочу больше жить в этом зимнем и страшном краю.

– Пусть только взойдет мое солнце и плянет на вас, вы тут же увидите, какие вы глупые! – закричал Муми-тролль, не заботясь больше о том, чтобы зарифмовать свои слова.

Тогда я стану жить в подсолнухе
и валяться в теплом песке.
И окно в сад, где роятся пчелы,
будет открыто целый день.
И будет в нем ярко-голубое небо,
а в нем мое собственное
апельсиново-желтое солнце.

Когда Муми-тролль пропел свою дерзкую песенку, стало ужасно тихо. Он молча стоял и прислушивался, но никто ему не возражал.

"Сейчас непременно что-нибудь случится", – дрожа, подумал он.

И правда случилось.

Кто-то в вихре сверкающего снега съезжал с холма, крича:

– Прочь с дороги! Берегись!

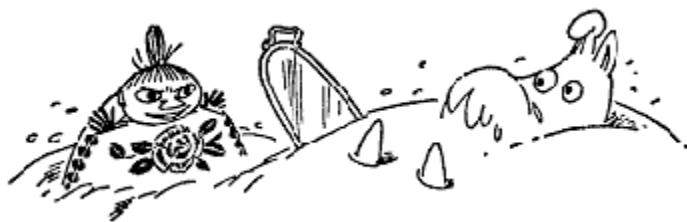
Муми-тролль застыл на месте, удивленно тараща глаза.

Прямо навстречу ему катился серебряный поднос, а на нем восседала пропавшая грелка с кофейника. "Наверное, Туу-тикки полила их водой из реки, – в ужасе подумал Муми-тролль. – А теперь они ожили, убегают прочь и никогда больше не вернуться..."

Вот тут-то он и столкнулся с подносом и грелкой. Муми-тролль упал, барахтаясь в снегу, и услышал, как внизу, у подножия холма, смеется Туу-тикки.

А потом раздался другой смех – так смеяться могло во всем мире только одно-единственное существо.

– Малышка Мю! – приглушенно закричал Мумитролль – в рот ему набился снег.

Муми-тролль выбрался из сугроба вне себя от радости. Вот-вот случится что-то хорошее. Это и вправду была малышка Мю, вся запорошенная снегом. В грелке для кофейника Мю прорезала отверстия для головы, лапок, так что вышитая роза красовалась на самом ее животе.

– Малышка Мю! – воскликнул Муми-тролль. – О, ты не знаешь... Все было такое чужое, мне было так одиноко... А помнишь, летом...

– Но теперь зима, – сказала малышка Мю, доставая из снега серебряный поднос. – Неплохо кувыркнулась, а?

– Я проснулся и не мог уснуть, – продолжал Муми-тролль. – Дверь не открывалась, солнце исчезло, и даже тот, кто живет под кухонным столиком...

– Да, да, – весело сказала малышка Мю. – А потом ты наклеил плянцевые картинки на стены. Похоже на тебя! Я вот все ломаю голову: может поднос скользить быстрее, если натереть его стеарином?

– Неплохо придумано, – обрадовалась Туу-тикки.

– По льду поднос, наверно, помчится еще быстрее, – сказала малышка Мю. – Если найти хороший парус в доме муми-троллей.

– А ветер будет его подгонять, – добавила Туу-тикки.

Муми-тролль посмотрел на них и немного подумал. А потом тихо сказал:

– Можете взять мой тент.

После полудня Туу-тикки почувяла, что великая стужа уже в пути. Она облила Снежную лошадь водой из реки и натаскала дров в купальню.

– Сидите сегодня дома, потому что она вот-вот явится, – сообщила Туу-тикки мышкам.

Мышки-невидимки закивали головой, и в шкафу что-то зашуршало, словно в знак согласия. Потом Туу-тикки вышла предупредить всех остальных обитателей долины.

– Не беспокойся, – сказала малышка Мю. – Я войду в дом, когда стужа начнет щипать меня за лапки. А Мюмлу можно прикрыть сверху соломой.

И Мю снова покатила серебряный поднос по ледяному насту.

Туу-тикки продолжала свой путь в долину. По дороге она встретила бельчонка с хорошеньким хвостиком.

– Вечером сиди в своем дупле, ведь великая стужа того и гляди явится, – предупредила Туу-тикки.

– Ясное дело, – ответил бельчонок. – А ты случайно не видела шишку, которую я потерял где-то здесь поблизости?

– Нет, – ответила Туу-тикки. – Но обещай не забыть то, что я сказала. Сиди дома! Как только стемнеет, прячься в своем дупле. Не забудь! Это важно!

Бельчонок рассеянно кивнул.

Туу-тикки отправилась дальше, к дому муми-троллей, и влезла наверх по веревочной лестнице. Она открыла слуховое окошко и позвала Муми-тролля.

Красными бумажными нитками он чинил купальники всем своим родным.

– Я хотела только сообщить, что великая лютая стужа вот-вот явится, – сказала Туу-тикки.

– Еще свирепей, чем сейчас? – спросил Мумитролля. – Какие же вообще эти стужи?

– Эта будет самая опасная, – ответила Туу-тикки. – Она явится прямо с моря в сумерки, когда небо позеленеет.

– А какая она, эта стужа? – спросил Муми-тролля.

– Она очень красивая, эта Ледяная дева, – ответила Туу-тикки. – Но если ты заглянешь ей прямо в лицо, ты замерзнешь и превратишься в ледышку. Станешь таким же, как хрустящий хлебец, и кто угодно сможет разломать тебя на мелкие кусочки. Поэтому сиди сегодня вечером дома.

Сказав это, Туу-тикки снова влезла на крышу.

Муми-тролль спустился вниз, в погреб, и добавил воды в котел парового отопления. А потом прикрыл ковриками спящих маму, папу и фрекен Снорк.

Затем он завел часы и покинул дом. Ему хотелось оказаться наедине с Ледяной девой, когда она наконец явится.

Муми-тролль спустился вниз, в купальню; небо уже поблекло и начало зеленеть. Ветер уснул, а мертвые камышины неподвижно застыли у края льдины.

Муми-тролль прислушался и подумал, что тишина тоже поет, только низким голосом. Быть может, это пел лед, который все более толстым покровом стягивал море.

В купальне было тепло, а на столе стоял голубой чайник Муми-мамы.

Муми-тролль уселся в шезлонг и спросил:

– Когда она явится?

– Скоро, – ответила Туу-тикки. – Но ты не беспокойся.

– Разве я о стуже беспокоюсь? – сказал Мумитролль. – Я беспокоюсь о других. О тех, о ком я ничего не знаю, о том, кто живет под кухонным столиком. И еще о том, кто живет в моем шкафу. И еще о Морре, которая только смотрит и не говорит ни слова.

Туу-тикки потеряла свою мордочку и задумалась.

– Видишь ли, – сказала она, – столько самого разного случается лишь зимой, а не летом, и не осенью, и не весной. Зимой случается все самое страшное, самое удивительное. Являются всякие ночные звери и существа, которым нигде нет места. Да никто и не верит, что они есть на свете. Ведь все остальное время они прячутся. А когда выпадает белый снег, ночи становятся длинными, наступает покой и все погружается в зимнюю спячку – вот тогда они тут как тут.

– А ты их знаешь? – спросил Муми-тролль.

– Кого знаю, а кого и нет, – ответила Туу-тикки. – Того, кто живет под кухонным столиком, я, к примеру, знаю очень хорошо. Думается, он хочет сохранить свою тайну, и я не могу познакомить вас друг с другом.

Муми-тролль пнул ножку стола и вздохнул.

– Ясное дело, ясное дело, – повторил он. – Но я не хочу жить среди разных тайн. Вдруг – бац! – и ты попадаешь в совсем новый

мир, и нет никого, кому хочется спросить, где ты жил прежде. Даже у малышки Мю нет желания говорить о том прежнем, настоящем мире.

– А как можно узнать, какой мир настоящий, а какой – нет? – спросила Туу-тикки, прижавшись носом к стеклу. – Вот и она!

Малышка Мю распахнула дверь и швырнула серебряный поднос, который со звоном упал на пол.

– Парус годится, – объявила она. – Но сейчас мне нужнее всего муфта. Из грелки для кофейника, как я ее ни кроила, муфта никак не выходит. А теперь у грелки Муми-мамы такой вид, что мне даже совестно подарить ее ежу-переселенцу.

– Вижу, – сказал Муми-тролль, мрачно глядя на растерзанную грелку.

Малышка Мю бросила грелку на пол, и ее мгновенно убрала одна из мышек-невидимок.

– Ну, а теперь Ледяная дева скоро явится, – сказала малышка Мю.

– Я тоже так думаю, – серьезно согласилась с ней Туу-тикки. – Выйдем и посмотрим.

Они вышли на мостки купальни и принялись к морю. Вечернее небо было совсем зеленым, и весь мир казался сделанным из тонкого стекла. Стояла мертвая тишина, и повсюду, отражаясь в ледяном насте, светили ясно различимые звезды. Было ужасно холодно.

– Да, она приближается, – подтвердила Туу-тикки. – Теперь нам пора уйти в дом.

В доме было тихо, даже мышки под столом перестали играть.

Далеко-далеко на речном льду показалась Ледяная дева. Она была белая-белая, словно вылитая из стеарина, но когда Муми-тролль взглянул на нее через оконное стекло с правой стороны, она показалась ему красной, а когда посмотрел с левой, она стала светлозеленой.

Вдруг Муми-тролль почувствовал, что стекло очень похолодело, у него заболела мордочка, и он испуганно отдернул ее от окна.

– Не смотрите туда, – сказала Туу-тикки. Они сели возле печки и стали ждать...

– Ой, кто-то карабкается ко мне на колени, – воскликнула малышка Мю и посмотрела на свою юбку. Там никого не было.

– Это мои мышки-невидимки, им страшно, – сказала Туу-тикки.
– Сиди спокойно, они скоро уйдут.

Ледяная дева как раз проходила мимо купальни. Быть может, она бросила взгляд в окно, потому что в купальне пронесся ледяной порыв ветра, от которого заколебались и померкли красные языки пламени в печурке. Мышки-невидимки смущенно спрыгнули с колен малышки Мю, и все они (и Туу-тикки, и Мю, и Муми-тролль) ринулись к окну, чтобы поглядеть на Ледяную деву.

Она стояла спиной к ним в зарослях камыша над снежным сугробом.

– Там бельчонок, – сказала Туу-тикки. – Он забыл, что надо сидеть дома.

Ледяная дева склонила свое прекрасное лицо над бельчком и рассеянно щекотала его за ушком. Он как зачарованный смотрел на нее, прямо в ее холодные голубые глаза. Улыбнувшись, Ледяная дева пошла дальше.

А на снегу, задрав кверху маленькие лапки, остался лежать оцепеневший и холодный глупенький бельчонок.

– Плохо дело, – проговорила Туу-тикки.

Она надвинула шапочку на уши, толкнула дверь, и белое облачко снежного пара ворвалось в купальню. Мгновение спустя Туу-тикки

снова прошмыгнула в приоткрытую дверь и положила бельчонка на стол.

Мышки-невидимки ринулись вперед, намочили полотенце горячей водой и завернули бельчонка в это горячее полотенце. Но его маленькие лапки все так же безжизненно и печально торчали кверху, и ни один усик не шевелился.

– Он совсем мертвый, – констатировала малышка Мю.

– Во всяком случае, перед тем как умереть, он увидел что-то очень красивое, – дрожащим голосом произнес Муми-тролль.

– Что поделаешь, – сказала малышка Мю. – Как бы там ни было, теперь он забыл обо всем на свете. А я собираюсь сделать из его хвостика премиленькую муфточку.

– Нет, ты этого не сделаешь! – взволнованно закричал Муми-тролль. – Он должен взять хвостик с собой в могилу. Потому что бельчонка нужно похоронить. Правда, Туу-тики?

– Гм, – хмыкнула Туу-тики. – Кто его знает, принесет ли радость звериному народцу хвостик после смерти?

– Миленькая Туу-тики, – взмолился Мумитролль, – не говори все время о том, что он умер. Это так ужасно.

– Раз умер, так уж умер, – примирительно сказала Туу-тики. – Этот бельчонок мало-помалу превратится в прах. А потом, чуточку позднее, из него вырастут деревья, и на них будут прыгать новые бельчата. Разве это так уж печально?

– Может, и нет, – ответил Муми-тролль и высморкался. – Но все равно завтра его надо похоронить, и обязательно с хвостиком и со всем-всем, что у него есть. И похороны должны быть красивые и торжественные.

На следующий день в купальне было очень холодно. Огонь еще горел в печурке, но мышки-невидимки заметно устали. В кофейнике, который Муми-тролль принес из дому, застыла под крышкой тонкая корочка льда.

Вообще-то Муми-тролль отказался пить кофе из уважения к памяти мертвого бельчонка.

– Ты должна дать мне купальный халатик, – торжественно сказал он Туу-тики. – Мама говорила, что на похоронах всегда бывает холодно.

– Отвернись и сосчитай до десяти, – предложила Туу-тики.

Муми-тролль отвернулся к окну и стал считать. Когда он досчитал до восьми, Туу-тикки заперла дверцу шкафа и протянула ему голубой купальный халатик.

– Подумать только, ты вспомнила, что мой халатик голубой, – радостно удивился Муми-тролль.

Он тотчас сунул лапу в карман, но не нашел солнечных очков. Зато там было немного песка и круглый белый камешек.

Он зажал камешек лапой. В его округлости таилась надежность лета. Муми-троллю почти казалось, что камешек по-прежнему теплый от солнца.

– У тебя такой вид, будто ты пришел незванным в гости, – заметила малышка Мю.

Муми-тролль даже не посмотрел на нее.

– Пойдете вы на похороны или нет? – с достоинством спросил он.

– Ясное дело, пойдём, – ответила Туу-тикки. – По-своему это был хороший бельчонок.

– В особенности хорош был у него хвостик, – сказала малышка Мю.

Они завернули бельчонка в старую купальную шапочку и вышли на жгучий мороз.

Снег скрипел у них под ногами, а дыхание белым паром вырывалось изо рта. А нос так оледенел, что нельзя было даже его сморщить.

– Твердый здесь наст, – восхитилась малышка Мю и запрыгала по мерзлому берегу.

– Ты не можешь идти чуточку медленнее? – попросил Муми-тролль. – Это ведь все-таки похороны.

Он был вынужден делать маленькие-маленькие вдохи, чтобы не заплотнуть слишком много ледяного воздуха.

– А я и не знала, что у тебя есть брови! – с любопытством воскликнула малышка Мю. – Сейчас они совсем поседели! И ты еще больше сбит с толку, чем всегда.

– Это из-за мороза, – строго сказала Туу-тикки. – А теперь помолчи, потому что ни ты, ни я ничего не знаем о похоронах.

Муми-тролль был благодарен ей за эти слова. Он принес бельчонка прямо к дому и положил его перед Снежной лошадкой.

Затем влез по веревочной лестнице на крышу и спустился вниз в теплую гостиную, где спали его родные.

Муми-тролль перерыл все ящики комода. Он перевернул все вверх дном, но не нашел того, что искал.

Тогда он подошел к маминой кровати и шепнул ей на ухо один вопрос. Вздохнув, мама перевернулась на другой бок. Муми-тролль снова шепнул.

Тогда мама, не просыпаясь, ответила ему: ведь она и во сне не забывала ничего из того, что касается традиций.

– Траурные ленты в моем шкафу... на самой верхней полке... направо...

И мама снова погрузилась в зимнюю спячку.

А Муми-тролль вытащил из чулана стремянку и влез на нее, чтобы добраться до верхней полки шкафа.

Там он нашел коробку со всякими ненужными вещами, которые иногда могут оказаться совершенно необходимы: черные траурные ленты и золотые праздничные, и ключи от дома, и пробку от

шампанского, и клей для фарфора, и среди прочего – превосходные медные шары для кроватей.

Когда Муми-тролль снова вышел из дому, к хвосту у него была привязана траурная лента. Он прикрепил и маленький черный бантик к шапочке Туу-тикки.

А малышка Мю наотрез отказалась от всяких траурных лент и бантиков.

– Если я горюю, мне вовсе незачем это показывать и надевать разные там бантики, – сказала она.

– Да, если ты горюешь, – подчеркнул Мумитролль. – Но ведь ты не горюешь!

– Нет, – призналась малышка Мю. – Я не могу горевать. Я умею только злиться или радоваться. А разве бельчонку поможет, если я стану горевать? Зато если я разозлюсь на Ледяную деву, может, я и укушу ее когда-нибудь за ногу. И тогда, может, она поостережется щекотать других маленьких бельчат за ушки только потому, что они такие миленькие и пушистые.

– Может, ты и права, – заметила Туу-тикки. – Но как бы там ни было, Муми-тролль тоже прав по-своему. А что делать дальше?

– Теперь я вырою ямку в земле, – сказал Мумитролль. – Здесь уютное местечко и летом растут маргаритки.

– Что ты, дружок! – печально сказала Туу-тикки. – Земля мерзлая и твердая, как камень. В нее не зароешь даже кузнечика.

Беспомощно взглянув на нее, Муми-тролль ничего не ответил. Никто ничего больше не сказал. И вот тут-то как раз Снежная лошадь склонила голову и осторожно обнюхала бельчонка. Она вопросительно взглянула на Муми-тролля своими зеркальными глазами и тихонько помахала хвостом-метелкой.

И тут мышки-невидимки заиграли печальную мелодию на своих флейтах. Муми-тролль, кивнув головой, поблагодарил мышек.

Тогда лошадь подняла бельчонка и положила его себе на спину – вместе с хвостиком, купальной шапочкой и всем прочим; похоронная процессия направилась к морскому берегу.

И Туу-тикки запела о бельчонке:

Жил-был маленький бельчонок,
очень маленький бельчонок.

Был он очень неразумный,
зато теплый и пушистый.
Теперь он лежит холодный,
совсем холодный,
его лапочки застыли.
Только хвостик его, как прежде,
самый мягкий и пушистый.

Почувствовав под копытами твердый ледяной наст, Снежная лошадь вскинула голову, а глаза у нее засветились. И вдруг, радостно подпрыгнув, она поскакала галопом вперед.

Мышки-невидимки перешли на веселую и быструю мелодию. Лошадь мчалась все дальше и дальше с бельчонком на спине и наконец превратилась в крохотную точку на горизонте.

– Я все думаю, хорошо ли у нас получилось, – беспокойно заметил Муми-тролль.

– Лучше и быть не могло, – утешила его Туу-тики.

– Нет, могло бы, – возразила малышка Мю. – Если бы мне достался красивый беличий хвостик на муфту, было бы куда лучше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Таинственные существа

Через несколько дней после похорон бельчонка Муми-тролль обнаружил, что кто-то стащил торф из дровяного сарая.

От двери тянулись по снегу широкие следы, словно кто-то волочил за собой мешки.

"Это не Мю, – подумал Муми-тролль. – Она слишком маленькая, а Туу-тики берет лишь то, что ей нужно. Должно быть, это Морра".

Он отправился по следу – шерстка у него на затылке стояла дыбом. Ведь кроме него больше некому караулить топливо, так что это было делом чести.

След обрывался на горе, за пещерой.

Там и лежали мешки с торфом. Они были сложены в кучу и приготовлены для костра, а сверху лежала садовая скамейка семьи Муми-троллей, скамейка, потерявшая в августе одну из своих передних ножек.

– Эта скамейка будет красиво гореть, – сказала Туу-тики, высовываясь из-за костра. – Она старая и сухая, как нюхательный табак.

– Что старая, это точно, – согласился Мумитролль. – Скамейка довольно долго переходила из поколения в поколение в нашей семье. Ее можно было бы еще починить.

– Лучше смастерить новую, – сказала Туу-тики. – Хочешь послушать песню о Туу-тики, которая сложила большой зимний костер?

– Пожалуйста, – добродушно согласился Мумитролль.

Тогда Туу-тики начала медленно топтаться в снегу и петь:

К нам, одинокие, грустные,
к нам, в темноте заплутавшие,
белые, серые, русые,
в зимнюю стужу озябшие!
Бей, барабан, веселей!
Всех наш костер обогреет,

грусть и тревогу развеет.
Бей, барабан, веселей!
Пламя поярче раздуем,
машем хвостами, танцуем.
Бей, барабан, не молчи
в черной холодной ночи!

– Хватит с меня черной ночи! – воскликнул Мумитроль. – Нет, не хочу слушать припев. Я замерзаю. Мне грустно и одиноко. Хочу, чтобы солнце вернулось!

– Но как раз поэтому мы и зажжем нынче вечером большой зимний костер, – сказала Туу-тикки. – Получишь свое солнце завтра.

– Мое солнце! – дрожа повторил Муми-троль.

Туу-тикки кивнула и почесала мордочку.

Муми-троль долго молчал. А потом спросил:

– Как ты думаешь, заметит солнце, что садовая скамейка тоже горит в костре, или нет?

– Послушай-ка, – серьезно сказала Туу-тикки, – такой костер на тысячу лет старше твоей садовой скамейки. Ты должен гордиться, что и она сгорит в этом костре.

Спорить с нею Муми-троль не стал.

"Придется объяснить это маме с папой, – подумал он. – А может, когда начнутся весенние бури, море выбросит другие дрова и другие садовые скамейки".

Костер становился все больше и больше. На вершину горы кто-то тащил сухие деревья, трухлявые стволы, старые бочки и доски, найденные кем-то, не желавшим показываться на берегу. Но Мумитроль чувствовал, что на горе полно народу, но ему так никого и не удалось увидеть.

Малышка Мю притащила свою картонную коробку.

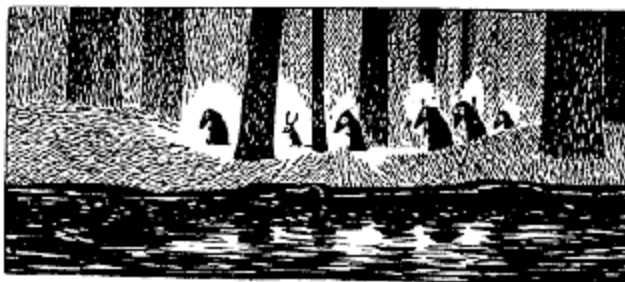
– Картонка больше не нужна, – сказала она. – Кататься на серебряном подносе гораздо лучше. А сестре моей, кажется, понравилось спать на ковре в гостиной. Когда мы зажжем костер?

– Когда взойдет луна, – ответила Туу-тикки.

Весь вечер Муми-тролль был в ужасном напряжении. Он бродил из комнаты в комнату и зажигал свечей больше, чем всегда. Иногда он молча стоял, прислушиваясь к дыханию спящих и слабому потрескиванию стен, когда мороз крепчал.

Муми-тролль был уверен, что теперь все таинственные, все загадочные существа, все, кто боится света, и все ненастоящие, о которых говорила Туу-тикки, вылезут из своих норок. Они подкрадутся еле слышно к большому костру, зажженному маленькими зверюшками, чтобы умиловать тьму и холод. И наконец-то он их увидит!

Муми-тролль зажег керосиновую лампу, поднялся на чердак и открыл слуховое окошко. Луна еще не показывалась, но долина была залита слабым светом северного сияния. Внизу у моста двигалась целая вереница факелов, окруженная пляшущими тенями. Они направлялись к морю и к подножию горы.

Муми-тролль с зажженной лампой в лапах осторожно спустился вниз. Сад и лес были полны блуждающих лучей света и неясного шепота, а все следы вели к горе.

Когда он вышел на морской берег, луна стояла над ледяным покровом моря белая как мел и ужасно далекая. Что-то шевельнулось рядом с Муми-троллем, и, нагнувшись, он увидел сердитые светящиеся глаза малышки Мю.

– Сейчас начнется пожар, – засмеялась она. – Мы спалим весь лунный свет.

И в тот же миг над вершиной горы взметнулось ввысь желтое пламя. Туу-тики зажгла костер.

Он занялся мгновенно. Взвывая, как зверь, костер вспыхнул снизу доверху багровыми языками пламени: отблески его трепетали на зеркальной поверхности почерневшего льда. Коротенькая сиротливая мелодия пронеслась у самого уха Муми-тролля – то мышки-невидимки, опоздав, спешили попасть на эту зимнюю церемонию.

Их маленькие и большие тени торжественно скользили по вершине горы. И вот начали бить барабаны.

– Твоя садовая скамейка тоже пошла в ход, – сказала малышка Мю.

– Ну ее, эту скамейку! – проговорил Муми-тролль.

Спотыкаясь, он карабкался вверх на оледенелую гору, сверкавшую в отсветах огня. Снег таял от жара костра, и теплые струйки воды стекали Муми-троллю на лапы.

"Солнце вернется, – возбужденно подумал он. – Конец темноте и одиночеству. Можно будет посидеть на веранде на солнцепеке и погреть спину..."

Он уже взобрался на вершину горы. Вокруг костра было жарко. Мышки-невидимки затянули новую, какую-то неистовую мелодию.

Но пляшущие тени исчезли, а барабаны били уже по другую сторону костра.

– Почему они ушли? – спросил Муми-тролль.

Туу-тикки поглядела на него своими спокойными голубыми глазами. Но видела ли она его на самом деле? Он не был в этом уверен. Скорее она всматривалась в свой собственный зимний мир, живший из года в год по своим собственным, чужим для Муми-тролля законам. Ведь зимой он всегда спал в теплом доме семейства муми-троллей.

– А где тот, кто живет в шкафу купальни? – спросил Муми-тролль.

– Что ты сказал? – с отсутствующим видом спросила Туу-тикки.

– Я хочу видеть того, кто живет в шкафу купальни! – повторил Муми-тролль.

– Его нельзя выпускать, – ответила Туу-тикки, – ведь никогда не знаешь, что может взбрести в голову такому, как он.

Множество каких-то крохотных существ с длинными ногами промчались, словно струйки дыма, по льду. Кто-то с серебристыми рогами, громко топая, прошел мимо Муми-тролля, а над огнем, широко размахивая крыльями, промчалось к северу что-то черное. Но все случилось так быстро, что Муми-тролль даже не успел познакомиться с этими таинственными существами.

– Туу-тикки, миленькая, – попросил он, потянув ее за полу куртки.

И тогда она дружелюбно сказала:

– Вон тот, кто живет под кухонным столиком!

Это был совсем крохотный зверек с косматыми бровями: он сидел отдельно от всех и глядел в костер.

Муми-тролль подсел к нему и спросил:

– Надеюсь, хрустящий хлебец был не очень черствый?

Зверек посмотрел на него, но ничего не ответил.

– У вас такие удивительные косматые брови, – вежливо продолжал Муми-тролль.

Тогда зверек с косматыми бровями ответил:

– Снадафф уму-у.

– Что? – удивленно спросил Муми-тролль.

– Радамса! – сердито ответил зверек.

– Он говорит на своем собственном языке и думает, что ты оскорбил его, – объяснила Туу-тикки.

– Но я вовсе этого не хотел, – боязливо сказал Муми-тролль. – Радамса, радамса, – умоляюще добавил он.

Тут зверек с косматыми бровями вскочил, вне себя от злости, и исчез.

– Что же мне делать? – произнес Муми-тролль. – Теперь он еще целый год проживет под кухонным столиком, не зная, что я пытался сказать ему очень приятные слова.

– Ничего не поделаешь, – вздохнула Туу-тикки.

Садовая скамейка рассыпалась пламенным дождем.

На месте костра остались лишь красные угли, и снежная вода бурлила в горных расселинах.

Тут мышки-невидимки перестали играть на флейтах, и все разом устали на лед.

Там сидела Морра. В ее маленьких круглых глазках отражался отсвет костра, а сама она казалась сплошной громадной и бесформенной серой глыбой. И стала гораздо больше, чем в августе.

Барабаны смолкли, когда Морра взгромоздилась на вершину горы. Она подошла прямо к костру и, не произнеся ни слова, уселась на него.

Угли страшно зашипели, и вся гора окуталась туманом. Когда он рассеялся, от пламенеющих углей не осталось и следа. Осталась лишь одна большая серая Морра, нагоняющая снежную мглу.

Муми-тролль сбежал вниз на берег. Вцепившись в Туу-тикки, он воскликнул:

– Что теперь будет? Морра погасила солнце!

– Успокойся! – сказала Туу-тикки. – Она пришла вовсе не для того, чтобы погасить огонь, бедняжка хотела согреться. Но огонь, как и все теплое, гаснет, когда Морра садится на него. Теперь Морра снова разочаровалась в своих ожиданиях.

Муми-тролль видел, как Морра поднимается и обнюхивает вмерзшие в землю угли. Затем она подходит к зажженной керосиновой лампе, которую Мумитролль оставил на вершине горы, и лампа гаснет.

Морра еще немного помедлила на вершине. Гора опустела, все разбрелось куда-то. Наконец Морра снова соскользнула на лед и растворилась в темноте, одинокая, как и прежде.

Муми-тролль отправился домой.

Прежде чем заснуть, он осторожно подергал маму за ухо и сказал:

– Этот вечер был не особенно веселый.

– Ничего, сынок, – пробормотала во сне мама, – может, в другой раз...

А под кухонным столиком сидел зверек с косматыми бровями и бранился про себя.

– Радамса! – твердил он, пожимая плечами. – Радамса!

Но, как видно, никто, кроме него самого, не мог понять, о чем он толкует.

Туу-тикки удила подо льдом рыбу. Она думала о том, как это хорошо, что у моря бывают часы отлива, когда оно становится мелким и можно влезть в прорубь у мостков купальни и посидеть с удочкой на камне. Сверху тебя прикрывает зеленоватый лесной свод, а под ногами плещется море.

Все это похоже на черный пол и зеленый потолок, которые простираются в бесконечность, пока не сольются воедино и не станут сплошной тьмой.

Рядом с Туу-тикки лежали четыре маленькие рыбки. Оставалось поймать еще одну, чтобы хватило на уху.

Вдруг Туу-тикки почувствовала, что мостки качаются от чьих-то нетерпеливых шагов. А потом там, наверху, кто-то забарабанил в дверь купальни. Подождав немного, снова забарабанил.

– Эй! – закричала Туу-тикки. – Я подо льдом!

Под ледяным сводом раздалось эхо: "Эй!" Много раз прокатившись взад-вперед, эхо повторило: "...подо льдом!"

Вскоре в прорубь осторожно просунулась мордочка Муми-тролля. Его уши были украшены выцветшими золотыми лентами.

Он взглянул на черную воду, дышавшую холодом, на четырех застывших рыбок, пойманных Туу-тикки, и, задрожав, сказал:

– Оно никогда не вернется.

– Кто? – спросила Туу-тикки.

– Солнце! – закричал Муми-тролль.

"Солнце! Солнце, солнце, солнце..." – вторило, удаляясь все дальше и дальше, эхо.

Туу-тикки вытянула из воды леску.

– Не спеши так, – сказала она. – Солнце каждый год всходило как раз в этот день; оно взойдет и сегодня. Убери свою мордочку, тогда я смогу выбраться из проруби.

Туу-тикки вылезла из проруби и села на крутую лесенку купальни. Она понюхала воздух, прислушалась и сказала:

– Через час. Садись и жди.

Малышка Мю прикатила по льду и уселась рядом с ними. Она крепко привязала к подошвам башмаков жестяные крышки от банок, чтобы лучше скользить по льду.

– Так, придется ждать новых чудес, – сказала она. – Но это не значит, что я против того, чтобы стало светлее.

Из лесу прилетели, хлопая крыльями, две старые вороны и опустились на крышу купальни. Минуты шли.

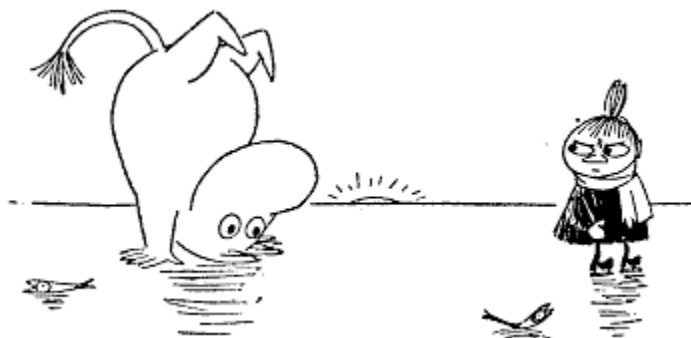
Внезапно шерсть на спине Муми-тролля встала дыбом, и после нескольких минут мучительного ожидания он вдруг увидел, как на сумеречном небе, низко над горизонтом зажглось красноватое сияние. Оно сгустилось в узкую неяркую полоску, рассыпавшую длинные лучи света над ледяным покровом моря.

– Вот оно! – вскричал Муми-тролль. Приподняв малышку Мю, он поцеловал ее прямо в мордочку.

– Ах! Нечего дурачиться! – сказала малышка Мю. – Не шуми! Не из-за чего!

– Ура! – продолжал кричать Муми-тролль. – Скоро наступит весна! Станет тепло! Все начнет просыпаться.

Схватив четыре пойманные рыбки, Муми-тролль подбросил их высоко в воздух, потом постоял даже на голове. Никогда прежде он не чувствовал себя таким счастливым, как теперь на льду.

В тот же миг лед снова потемнел.

Вороны поднялись в воздух и, медленно взмахивая крыльями, полетели в сторону суши. Туу-тикки собрала своих рыбешек, а маленькая красноватая полоска тем временем опустилась за горизонт.

– Никак солнце передумало?! – в ужасе воскликнул Муми-тролль.

– Неудивительно, раз ты так ведешь себя, – сказала Мю и умчалась на своих жестяных крышках-коньках.

– Солнце вернется завтра, – утешила Муми-тролля Туу-тикки. – И оно будет чуть побольше, уже как корка сыра. Не принимай это так близко к сердцу.

И Туу-тикки полезла под лед, чтобы наполнить суповую кастрюлю морской водой.

Ясное дело, она права. Не так-то просто солнцу взойти. Но оттого, что кто-то прав, твое разочарование ничуть не меньше.

Муми-тролль сидел, глядя вниз, на ледяной наст, и внезапно рассердился. Злость зародилась где-то в животе, он почувствовал себя обманутым.

И ему стало стыдно оттого, что он шумел, оттого, что на ушах у него золотые ленты. Это еще больше разозлило его. В конце концов Муми-тролль почувствовал: он должен сделать что-то совершенно ужасное, такое, что ему запрещают, иначе ему не успокоиться. И сделать сию же минуту!

Он вскочил, перебежал через мост и ворвался в купальню, прошел прямо к шкафу и широко распахнул его дверцы. Там висели купальные халаты. Так же, как и летом.

И еще там лежал резиновый хемуль, которого ему никогда не удавалось как следует надуть. А на Мумитролля смотрело незнакомое

существо – маленькое, серое, с длинной шерстью и большой мордочкой. Внезапно оживившись, оно словно ветер промчалось мимо Муми-тролля и исчезло. Муми-тролль увидел, как его хвост, словно черный шнурок, проскользнул в дверь купальни. Кисточка хвоста застряла на миг в дверной щели, но потом вырвалась, и странное существо исчезло, будто его и не было.

Зато появилась Туу-тикки с суповой кастрюлей в лапах и сказала:

– Вон оно что, ты все-таки не удержался и открыл шкаф.

– Там сидела всего-навсего какая-то старая крыса, – угрюмо буркнул Муми-тролль.

– Это вовсе не крыса, – объяснила Туу-тикки. – Это тролль. Тролль – каким был и ты до того, как превратился в муми-тролля. Таким ты был тысячу лет тому назад.

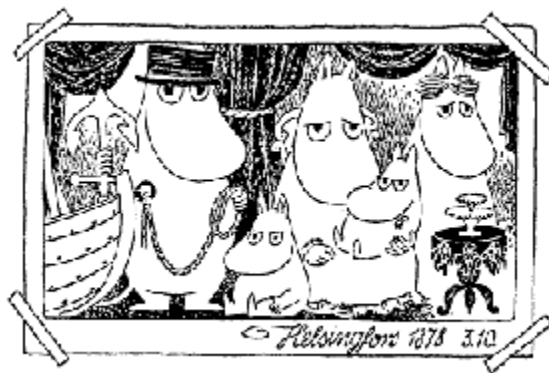
Муми-тролль не нашелся что ответить. Он отправился домой и уселся поразмышлять в гостиной.

Немного погодя пришла Мю – одолжить стеариновую свечу и сахар.

– О тебе ходят жуткие слухи, – восхищенно сказала она. – Болтают, что ты выпустил из шкафа собственного предка. И утверждают, будто вы похожи друг на друга.

– Какая чепуха! Не говори глупости! – отрезал Муми-тролль.

Он поднялся на чердак и отыскал семейный альбом. Мумитроль листал страницу за страницей, и всюду, чаще всего на фоне изразцовых печей или на верандах, были изображены вполне достойные муми-тролли. Ни один не напоминал тролля из шкафа.

"Должно быть, это ошибка, – подумал Мумитроль, – он не может быть моим родственником".

Он взглянул на своего спящего отца. Только мордочка его напоминала морду тролля. Но, может, тысячу лет тому назад?..

Вдруг зазвенела хрустальная люстра. Она тихонько качалась взад-вперед, а в окутывающем ее тюлевом чехле что-то шевелилось: мохнатое, маленькое, с длинным черным хвостом, свисавшим прямо между хрусталиками.

– Это он, – пробормотал Муми-тролль. – Мой предок поселился на люстре в гостиной.

Но это вроде бы было не так опасно. Муми-тролль уже начал привыкать к чудесам волшебной зимы.

– Как поживаешь? – тихонько спросил он тролля.

Тролль посмотрел на него сквозь тюль и помахал ушами.

– Будь поосторожней с хрустальной люстрой, – предупредил его Муми-тролль. – Это фамильная драгоценность.

Тролль, склонив голову набок, посмотрел на него внимательно, с нескрываемым любопытством.

"Сейчас он заговорит, – подумал Муми-тролль. И в тот же миг он страшно испугался: неужели предок что-нибудь скажет? А вдруг заговорит на иностранном языке, как тот зверек с косматыми бровями? А вдруг он рассердится и скажет "радамса" или что-нибудь еще в этом роде? И тогда их знакомству – конец".

– Тсс! – прошептал Муми-тролль. – Лучше ничего не говори!

Может, они все-таки родственники? А родственники, которые приходят в гости, могут остаться надолго. А тем более если это предок, он может остаться навсегда. Кто знает. И если вести себя неосторожно, он может тебя неправильно понять и рассердиться. Придется им тогда всю жизнь жить вместе со злым предком.

– Тсс! – повторил Муми-тролль. – Тсс!

Предок, ничего не отвечая, стал трясти хрустальную люстру.

"Я покажу ему наш дом, – подумал Муми-тролль. – Мама непременно бы это сделала, если бы какой-нибудь родственник явился к нам в гости".

Взяв лампу, он осветил красивую картину, которая называлась "Филифьонка у окна". Тролль посмотрел на картину и встряхнулся.

Муми-тролль прошел дальше, к плюшевому дивану и осветил его лампой. Он показал троллю по очереди все стулья, зеркало в гостиной и трамвайчик из пенки, одним словом – все самое ценное и красивое, что было у семьи муми-троллей.

Тролль все внимательно рассматривал, но явно не понимал, что ему показывают. В конце концов Мумитролль, вздохнув, поставил лампу на выступ печки.

Но тут тролля явно что-то заинтересовало. Будто мешок с тряпьем, вывалился он из хрустальной люстры и беспокойно забегал вокруг печки. Он совал голову в отверстия печки и обнюхивал золу. Он очень заинтересовался вышитым бисером шнурком, с помощью которого открывали вьюшки, и долго тыкался носом в щелку между печкой и стеной.

"Должно быть, правда, что он – мой родственник, – разволновавшись, подумал Муми-тролль. – Ведь мама всегда говорила, что наши предки жили за печкой..."

В этот миг зазвонил будильник, который Мумитролль обычно ставил на то время, когда наступали сумерки и когда он больше всего тосковал от одиночества.

Тролль остолбенел, а потом бросился в печку, так что зола поднялась серым облаком ввысь. Через минуту он уже сердито загромыхал вьюшкой.

Муми-тролль выключил будильник и прислушался – сердце его колотилось. Но ничего больше не было слышно.

Немного сажи тихонько выпало из трубы, а шнурок вьюшки закачался.

Муми-тролль влез на крышу, чтобы успокоиться.

– Ну, как тебе живется с дедушкой? – крикнула малышка Мю, съезжая с горки на санках.

– Отлично! – с достоинством произнес Мумитролль. – В таком древнем роду, как наш, все знают, как нужно себя вести.

Муми-тролль внезапно очень возгордился тем, что у него есть предок. И вдобавок его самолюбие приятно щекотало то, что у малышки Мю никакой родословной не было и что она скорее всего появилась на свет случайно.

В ту ночь предок Муми-тролля переставил мебель во всем доме. Делал он это совсем тихо, но удивительно энергично.

Он передвинул диван к печке и перевесил картины. Те, которые нравились ему меньше, он повесил вверх ногами. (А может, это были как раз те картины, которые ему больше всех приглянулись. Кто знает!)

Мебель была передвинута, а будильник брошен в помойное ведро. Вместо этого тролль приволок с чердака кучу старого хлама и нагромоздил его вокруг печки.

Пришла Туу-тики и, взглянув на весь этот разор, сказала:

– Я думаю, он хотел создать себе домашний уют. – Туу-тики потеряла нос. – Он пытался окружить печку надежным частоколом, чтобы никто не мешал ему в ней жить.

– Но что скажет мама? – забеспокоился Мумитролль.

Туу-тики пожала плечами.

– А зачем тебе понадобилось выпускать его из шкафа? – сказала она. – Во всяком случае этот тролль ничего не ест. Страшно выгодно и для тебя, и для него. Попробай отнестись ко всему этому как к забавной истории.

Муми-тролль кивнул.

Немного подумав, он залез в кучу ломаной мебели, пустых ящиков, рыбачьих сетей, рулонов бумаги, старых корзин и садовых инструментов. Очень скоро Муми-тролль понял, что там необычайно уютно.

Он решил спать в корзине с древесной стружкой, стоявшей под испорченной качалкой.

По правде сказать, он все это время не чувствовал себя по-настоящему надежно в полутемной гостиной с пустыми окнами. А спящая семья навевала на него тоску.

Теперь же, в тесном пространстве между ящиком с пожитками, качалкой и спинкой дивана, он чувствовал себя совершенно уверенно и ни капельки не боялся одиночества.

Сквозь отверстия в дверце печки он видел частицу темного пространства, но, не желая мешать предку, утеплял стены своего нового жилища как можно тише.

Вечером он взял с собой лампу, лег и слушал, как в печке шуршит предок.

"Вот так и я, быть может, жил тысячу лет тому назад", – зачарованно думал Муми-тролль.

Он решил крикнуть в трубу что-нибудь такое дружеское, в знак тайного согласия. Но потом отказался от этой мысли, погасил лампу и, свернувшись калачиком, глубже зарылся в древесную стружку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Одинокие гости

С каждым днем солнце все выше поднималось на небе. В конце концов оно поднялось так высоко, что несколько неярких лучей упало в долину. В этот знаменательный день после обеда в долине появился чужой – маленький тощий песик в рваной шерстяной шапчонке, надвинутой на глаза.

Он утверждал, что зовут его Юнк и что в дальних долинах кончилась еда. А с тех пор, как там побывала Ледяная дева, стало еще труднее раздобыть какую-нибудь снедь. Говорят, что некий хемуль в отчаянии слопал свою собственную коллекцию жуков, но, вероятно, это были только слухи. Скорее всего он слопал коллекцию своего товарища. Во всяком случае, в Муми-доле появилось много пришлых... Кто-то пустил слух, что там есть рябина и целый погреб с вареньем. Хотя насчет варенья это, верно, тоже были только слухи...

Юнк уселся в снег на свой тощий хвост, и вся его печальная морда сморщилась.

– Мы едим уху, – сказала Туу-тикки. – И ни о каком погребе с вареньем я не слыхивала.

Муми-тролль бросил быстрый взгляд на круглый снежный сугроб за дровяным сараем.

– А погреб там! – вмешалась малышка Мю. – И там столько варенья, что можно объесться, и на всех банках указан год, когда оно сварено, а крышка обвязана красным шнурком!

– Я, между прочим, стерегу имущество мамы и папы, пока они спят, – сказал, покраснев, Мумитролль.

– Само собой! – льстиво пробормотал Юнк.

Муми-тролль посмотрел на веранду, а потом на морщинистую морду Юнка.

– Ты любишь варенье? – сердито спросил он.

– Не знаю, – ответил Юнк.

Муми-тролль вздохнул и сказал:

– Ну ладно. Только помни: берите сначала самые старые банки.

Несколько часов спустя на мосту появилась целая толпа малюток, а в саду металась растерянная Филифьонка и жаловалась, что ее комнатные растения померзли, а кто-то съел все ее припасы. А по дороге в долину она встретила бессовестную Гафсу, которая сказала, что зима есть зима и надо позаботиться обо всем вовремя.

К вечеру вся долина так и кишела пришельцами, которые успели протоптать тропинки к погребу с вареньем. Те, кто крепче держался на ногах, отправились вниз, к морю, и поселились в купальне.

Только в пещеру никого не пустили. Малышка Мю заявила, что нельзя мешать Мюмле.

Перед домом муми-троллей сидели и канючили самые обездоленные.

Муми-тролль с керосиновой лампой в лапе вылез через слуховое окошко и осветил толпу.

– Можете войти в дом и переночевать, – пригласил он. – Ведь никогда не знаешь, как поведут себя все эти морры и прочие, что слоняются вокруг.

– Мне не влезть по веревочной лестнице, – пожаловался какой-то старый хомса.

Тогда Муми-тролль стал разгребать снег перед входной дверью. Он трудился с большим усердием. И когда длинный узкий туннель в снегу, вырытый им, уперся в стену дома, никакой двери там не оказалось, а было только замерзшее окно.

"Выходит, я рыл неправильно, – сказал Мумитролль про себя. – И если я начну рыть новый туннель, могу опять промахнуться".

Что же делать? Он осторожно разбил оконное стекло, и гости влезли в дом.

– Не разбудите мою семью, – предупредил Мумитролль. – Здесь спит мама, там – папа, а там, чуть подальше, – фрекен Снорк. Мой

предок спит в печке. Вы можете завернуться в коврики и скатерти, потому что все одеяла мы одолжили знакомым.

Гости поклонились спящим, а потом быстро завернулись в коврики и скатерти. А самые маленькие заснули в шапках, домашних туфлях, словом – где придется.

Многие, простудившись, чихали, а кое-кто уже заскучал и просился домой.

"Вот ужас-то, – думал Муми-тролль. – Скоро погреб с вареньем опустеет. А что я скажу весной, когда мама с папой проснутся и увидят, что картины висят вверх ногами, а в доме полно народу?"

Он вылез обратно через туннель, чтобы посмотреть, не забыли ли они кого-нибудь во дворе.

Там светила луна, да в снегу сидел один-одинешенек Юнк и выл. Вытянув морду вверх, к луне, он выводил длинную печальную песню.

– Почему ты не хочешь войти в дом и лечь спать? – спросил Муми-тролль.

Юнк посмотрел на него позеленевшими от лунного света глазами. Одно ухо у него стояло торчком, другое повисло. Казалось, он к чему-то прислушивался, и вся его морда застыла в ожидании.

И тут они оба услышали, как где-то далеко воют волки. Юнк мрачно кивнул и снова натянул на себя шапчонку.

– Это мои большие сильные братья! – прошептал он. – Если бы ты знал, как я по ним тоскую!

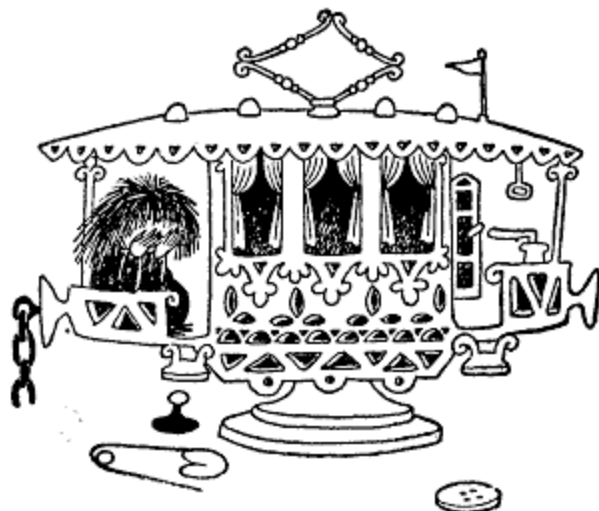
– А ты их не боишься? – спросил Муми-тролль.

– Боюсь, – ответил Юнк. – Это-то и есть самое печальное.

И Юнк свернул на протоптанную тропинку к купальне.

Муми-тролль снова влез в окно гостиной.

Какая-то малютка испугалась зеркала и всхлипывала, сидя в трамвайчике из пенки.

А так все было тихо.

"Как трудно им приходится, – подумал Мумитроль. – Может, и не так уж страшно, что съели столько варенья. А банки, приготовленные на воскресенье, можно всегда припрятать... Ну те, что с клубничным вареньем... на время припрятать".

Однажды на рассвете долина пробудилась от чистых пронзительных звуков рога. Сидевшая на полу пещеры Мю стала притопывать в такт ногами. Туу-тикки наострила уши, а пес Юнк, поджав хвост, уполз под скамейку.

Предок Муми-тролля сердито загрохотал печной вьюшкой, и большинство гостей проснулись.

Муми-троль ринулся к окну, вылез в него и стал пробираться через снежный туннель.

При свете лучей бледного зимнего солнца с горного склона съезжал огромный хемуль. Он трубил в сверкающий медный рог, и казалось, чувствовал себя превосходно.

"Этот съест целую прорву варенья, – подумал Муми-тролль. – Интересно, что у него на ногах?"

Хемуль положил рог на крышу дровяного сарая и снял лыжи.

– Хорошие у вас тут холмы, – сказал он. – А слалом у вас есть?

– Сейчас узнаю, – ответил Муми-тролль.

Он снова влез в гостиную и спросил:

– Есть тут кто-нибудь по имени Слалом?

– Меня зовут Саломея, – прошептала малютка, испугавшаяся зеркала.

Муми-тролль подошел к Хемулю и сказал:

– По имени Слалом почти никого нет. Есть только одна по имени Саломея.

Но Хемуль, не слушая его, обнюхал папину табачную делянку.

– Хорошее место для жилья, – похвалил он. – Здесь мы построим снежный дом.

– Вы можете поселиться у меня, – чуть помедлив, сказал Муми-тролль.

– Нет, спасибо, – ответил Хемуль. – В доме спертый воздух, это вредно для здоровья. Мне нужен свежий воздух, много свежего воздуха. Мы сейчас же примемся за работу, чтобы не терять зря времени.

Между тем гости Муми-тролля мало-помалу выбрались из дому и молча наблюдали за Хемулем.

– А вы не можете еще поиграть? – спросила крошка Саломея.

– Всеу свое время, – бодро ответил Хемуль. – Сейчас мы поработаем.

Немного погодя все гости уже строили снежный дом на табачной делянке Муми-папы, а Хемуль в это самое время плескался в реке, и несколько замерзших малюток в ужасе смотрели на него.

Муми-тролль со всех ног помчался к купальне.

– Туу-тики! – закричал он. – Сюда приехал какой-то Хемуль! Он думает поселиться в снежном доме, как раз сейчас он купается в реке.

– Ах вот что! Вот он какой, этот Хемуль, – серьезно заметила Туу-тики. – Значит, конец мирной жизни в долине.

Она отложила в сторону удочку и пошла с Мумитроллем к дому.

По дороге они встретили малышку Мю, сиявшую в предвкушении новых событий.

– Видели, что у него на ногах? – воскликнула она. – Это называется лыжи! Я думаю сию же минуту раздобыть себе такие!

Дом Хемуля медленно выросал. Гости работали не покладая лап, бросая тоскливые взгляды на погреб с вареньем.

Хемуль же после водных процедур занимался на берегу гимнастикой.

– Ну, не удивительная ли это штука – холод! – бодро восклицал он. – Я никогда не бываю в такой отличной форме, как зимой. Не хотите ли тоже окунуться перед завтраком?

Муми-тролль смотрел на черную куртку Хемуля с лимонно-желтыми узорами и огорченно удивлялся, почему Хемуль не кажется ему симпатичным. Ведь он так тосковал, так тосковал по такому, как Хемуль, радостному и открытому, а совсем не таинственному и скрытному.

А теперь он чувствовал, что Хемуль ему куда более чужой, нежели тот злой и непонятный зверек под кухонным столиком.

Он беспомощно взглянул на Туу-тикки. Она, сдвинув брови и выпятив нижнюю губу, рассматривала свою варезку. И Муми-тролль понял, что Туу-тикки тоже не нравится Хемуль. Тогда, повернувшись к Хемулю, он с наигранным дружелюбием сказал:

– Хорошо, наверное, быть любителем холодного купания?

– Холодная вода лучше всего на свете! – сияя, ответил ему Хемуль. – Она гонит прочь все досужие мысли и фантазии. Верь мне: самое опасное – запереться в четырех стенах.

– Правда?! – воскликнул Муми-тролль.

– От этого в голову лезут разные мысли, – сказал Хемуль. – Кстати, когда здесь обедают?

– Когда я наловлю рыбы, – угрюмо буркнула Туу-тикки.

– Я не ем рыбы, – сообщил Хемуль. – Только овощи, зелень и ягоды.

– А клюквенное варенье? – с надеждой спросил Муми-тролль. Большой кувшин разварившегося клюквенного варенья – единственный – еще оставался в погребе.

Но Хемуль ответил:

– Нет, лучше клубничное.

После еды Хемуль надел лыжи и влез на самый высокий склон холма, тот, что спускался в долину над самой пещерой. У подножия холма стояли все гости Муми-тролля и смотрели на Хемуля, не зная, что и думать.

Они топтались на снегу, время от времени утирая мокрые носы, – день выдался на редкость холодный.

Но вот Хемуль помчался вниз. Все затаили дыхание от ужаса. Посредине холма он сделал резкий поворот в сторону, подняв целую

тучу сверкающих снежинок. Потом, заорав во все горло, так же резко повернул в другую сторону. На огромной скорости он делал повороты то в одну, то в другую сторону, и от его черножелтой куртки рябило в глазах.

Крепко зажмурив глаза, Муми-тролль подумал: "До чего же все, кто пришел сюда, разные".

Мальшка Мю стояла на вершине холма и кричала от радости и восхищения. Она разломала деревянную бочку и крепко привязала к башмакам две доски.

– А теперь – я! – вопила она и, ни минуты не колеблясь, припустила вниз с холма по прямой. Мумитролль взглянул одним глазом вверх на нее и понял, что Мю справится. Ее маленькое недоброе личико выражало радость и уверенность, а ножки, словно палочки, твердо стояли на снегу.

Муми-тролль почувствовал прилив гордости. Мальшка Мю катила так бесшабашно вперед, она неслась отчаянно, сломя голову и чуть не врезалась в сосну, пошатнулась, но удержалась на ногах. И вот она уже внизу и, хохоча во все горло, плюхнулась в снег.

– Она из моих самых старых друзей, – объяснил Муми-тролль Филифьонке.

– Так я и думала, – кисло сказала Филифьонка. – Когда в этом доме подают кофе?

К ним крупными шагами подошел Хемуль. Он снял лыжи. Морда его лоснилась.

– А теперь мы научим Муми-тролля кататься на лыжах, – доброжелательно сказал он.

– Нет, спасибо, лучше не надо, – пробормотал Муми-тролль, отступив назад. Он быстро взглянул туда, где только что была Туу-тики. Но она ушла, наверное, наловить рыбы на свежую уху.

– Главное, не надо бояться, – ободряюще сказал Хемуль, крепко привязывая лыжи к лапам Муми-тролля.

– Но я не хочу... – начал было несчастный Мумитролль.

Мальшка Мю посмотрела на него, высоко подняв брови.

– Ну ладно, – мрачно согласился Муми-тролль. – Но только не с очень высокого холма...

– Да нет, съедешь со склона, что ведет к мосту, – сказал Хемуль. – Согни колени! Наклонись вперед! Следи только, чтобы лыжи не

разъезжались! Верхнюю часть туловища – прямо! Лапы прижми к телу! Ну, все запомнил?

– Нет, – ответил Муми-тролль.

Его кто-то подтолкнул в спину, он закрыл глаза и поехал. Сначала лыжи его широко разъезжались в стороны. Потом они скрестились, перепутались с лыжными палками, и на все это неуклюже упал Мумитролль.

Среди зрителей началось оживление.

– Запасись терпением, – советовал Хемуль. – Вставай, дружок, попробуй еще раз.

– Ноги дрожат, – пробормотал Муми-тролль.

Да уж! Это было, пожалуй, не лучше одиночества. Даже солнце, о котором он так ужасно тосковал, светило прямо в долину и было свидетелем его унижения.

На этот раз мост у подножия холма стремительно ринулся к Муми-троллю, и он сильно задрал одну ногу вверх, чтобы удержать равновесие. Другая же его нога продолжала скользить сама по себе. Гости кричали "ура!", полагая, что жизнь снова становится веселее.

Муми-тролль уже не понимал, куда едет, – вверх или вниз. Вокруг были лишь снег да несчастья. Под конец он повис на ивовом кусте, что рос на самом берегу реки, а хвост его полоскался в холодной воде. Весь мир был сплошной мешаниной из лыж, лыжных палок и всевозможных неприятностей.

– Не падай духом! – ласково сказал Хемуль. – Давай еще раз!

Но этого "еще раз" больше не случилось, потому что Муми-тролль утратил мужество. Да, он в самом деле утратил мужество и еще долго потом часто мечтал о том, как все было бы, если бы он в

третий раз торжественно съехал с холма. Он бы описал на мосту красивую дугу и с улыбкой повернулся бы к гостям. А они бы кричали от восторга. Но так не вышло.

Вместо этого Муми-тролль сказал:

– Катайтесь, если хотите, а я пошел домой.

И, ни на кого не глядя, он вполз через снежный туннель в свою теплую гостиную, в свое гнездо под креслом-качалкой.

Он слышал, как Хемуль орет во все горло на холме. Сунув голову в печку, Муми-тролль прошептал:

– Мне он все равно не нравится.

В ответ предок вышвырнул из печки немного сажи, может, он хотел выказать свое расположение к потомку. Муми-тролль же начал спокойно рисовать кусочком угля на спинке дивана. Он нарисовал Хемуля, стоявшего вверх ногами в снежном сугробе. А в печке стояла припрятанная большая банка с клубничным вареньем.

На следующей неделе Туу-тикки упрямо сидела подо льдом и удила рыбу. Рядом с ней под зеленоватым ледяным сводом сидели длинной цепочкой гости и удили рыбу. То были гости, которым Хемуль пришелся не по нраву. А в доме семьи муми-троллей мало-помалу собрались все, кому не было дела до Хемуля и кто не в силах был или не смел ему это показать.

Ранним утром Хемуль просовывал голову через разбитое стекло и освещал всех факелом. Он обожал жечь факелы и сидеть у костра. Правда, кто же не любит жечь факелы и сидеть у костра, но Хемуль придавал всему этому необычайное значение.

Гости полюбили долгие беззаботные часы перед обедом, когда мало-помалу занимался день. А они тем временем болтали о том, что им снилось ночью, и прислушивались к тому, как Муми-тролль варит на кухне кофе.

Все это портил только Хемуль. Он всегда начинал говорить о том, что воздух в доме спертый, и расписывал, как приятно жить в холодном снегу.

Затем он начинал светскую болтовню о том, как можно провести новый наступивший день. Он и в самом деле делал все, чтобы обитателям долины было приятно, и всегда обижался, когда они отказывались развлекаться. Тогда он, похлопывая кого-нибудь по спине, говорил:

– Ну что же! Ничего, скоро поймете: я был прав.

А вот малышка Мю, единственная из всех, повсюду следовала за Хемулем по пятам. Он щедро учил ее всему, что знал сам, особенно – кататься на лыжах. И весь сиял от радости, что она делает такие быстрые успехи.

– Маленькая фрекен, – говорил Хемуль, – вы прирожденная лыжница. Скоро вы меня перещеголяете!

– Об этом я только и мечтаю! – откровенно признавалась малышка Мю.

И стоило ей только выучиться хорошенько кататься на лыжах, как она тотчас же исчезла. Она стала кататься на своих, известных только ей, холмах и думать забыла о Хемуле.

Как бы там ни было, теперь все больше гостей забиралось под ледяной свод реки удить рыбу, и в конце концов на холме, где Хемуль

обычно катался на лыжах, пестрела одна лишь его черно-желтая куртка.

Гостям долины не нравилось, когда их втягивали в какие-нибудь новые, утомительные дела.

Им больше нравилось сидеть и болтать о том, как было прежде, пока не явилась Ледяная дева и не кончилась еда. Они рассказывали друг другу о том, какой мебелью обставляли они свои дома, и с кем они были в родстве, и с кем дружили, и как ужасно было, когда явилась великая лютая стужа и все переменялось.

Они жались ближе к печке и слушали друг друга, пока не наступал наконец их черед рассказывать.

Муми-тролль видел, что Хемуль становится все более и более одинок.

"Надо сделать так, чтобы он ушел прежде, чем сам это поймет, – думал Муми-тролль. – И прежде, чем кончится варенье!"

Но не так-то просто было найти повод избавиться от Хемуля, повод, который был бы и надежным и приличным.

Иногда Хемуль съезжал вниз к морю и пытался выманить пса Юнка из купальни. Но Юнку вовсе не хотелось ходить на лыжах по холмам, не интересовали его и сани, в которые запрягают собак. Ночью он все больше времени проводил под открытым небом и выл на луну, а днем хотел спать и клевал носом.

В конце концов Хемуль, оставив лыжные палки в сторону, умоляюще сказал:

– Я ужасно люблю собак. Я всегда мечтал о собственной собаке, которая бы тоже любила меня. Почему ты не хочешь поиграть со мной?

– Да я и сам не знаю, – пробормотал, краснея, Юнк.

И как можно скорей снова шмыгнул в купальню, где так хорошо мечталось о волках.

Вот с кем бы ему хотелось поиграть! Какое великое счастье было бы охотиться вместе с волками, следовать за ними повсюду, делать все, что делают они, исполнять все их желания. И мало-помалу он бы одичал и стал таким же вольным, как они.

Каждую ночь, когда лунный свет мерцал в ледяных цветах и разводах оконных стекол, Юнк просыпался в купальне и садился, прислушиваясь. И каждую ночь, надвинув шапчонку на уши, он неслышно прокрадывался из купальни на берег.

Он всегда шел одной и той же дорогой, пересекал берег, поднимался на горный склон и брел на юг в лес. Он заходил так далеко, что лес редел и он мог заглянуть в глубину Пустынных гор. Там Юнк садился в снег и ждал до тех пор, пока не раздавался волчий вой. Иногда волки были очень далеко, иногда ближе. Но выли они почти каждую ночь.

И всякий раз, услышав их, Юнк задирает морду вверх и выл им в ответ.

На утренней заре он снова тайком пробирался домой, в купальню, заползал в шкаф и спал.

Однажды Туу-тикки, взглянув на него, сказала:

– Так ты никогда их не забудешь.

– А я не желаю их забывать, – ответил Юнк. – Потому-то я и хожу туда.

Довольно странно вела себя самая робкая из всех гостей долины, крошка Саломея, которая и вправду любила Хемуля. Она жила в постоянной надежде еще и еще раз услышать звуки рога. Но, к сожалению, Хемуль был такой огромный и так всегда спешил, что никогда не замечал ее.

Как она ни торопилась подбежать к нему, Хемуль всегда уезжал на лыжах раньше, и если она иной раз успевала подойти к нему, когда он начинал трубить в рог, то рог тут же смолкал и Хемуль принимался за что-нибудь новенькое.

Несколько раз крошка Саломея пыталась объяснить Хемулю, что она от него в восторге. Но она была слишком застенчива и деликатна, а Хемуль никогда не умел слушать как следует.

Так что ничего серьезного ей так и не удалось ему сказать.

Однажды ночью крошка Саломея проснулась в трамвайчике из пенки, где на задней платформе она устроила себе постельку. Спать там рядом с пуговицами и английскими булавками, которыми семья Мумитроллей в течение долгого времени наполняла трамвайчик – лучшее украшение своей гостиной, – было не очень-то удобно. А крошка Саломея, естественно, была слишком щепетильна, чтобы выбросить из трамвайчика то, что ей мешало.

И вот однажды ночью она услышала, как Туу-тикки и Мумитролль разговаривают внизу, под креслом-качалкой, и тотчас поняла, что речь идет о ее любимом Хемуле.

– Так дальше невозможно, – произнес в темноте голос Туу-тикки.
– Нам нужно снова вернуть покой. С тех пор как он начал трубить в свой рог, мои мышки-музыканты отказываются играть на флейтах. А большинство моих друзей-невидимок перебрались на север.

Все гости долины волнуются, они простудились, сидя целый день подо льдом. А Юнк прячется в шкафу до самой темноты. Кто-то должен сказать Хемулю, чтобы он уходил.

– Я не решаюсь это сделать, – сказал Мумитроль. – Он так уверен в том, что мы его любим.

– Тогда нужно обманом заставить его уйти, – посоветовала Туу-тикки. – Скажи ему, что холмы в Пустынных горах – гораздо выше и лучше, чем здесь.

– Но там ведь нет холмов, где можно кататься на лыжах, – укоризненно возразил Муми-троль. – Там одни лишь пропасти да зубчатые скалы, даже не покрытые снегом.

Крошка Саломея задрожала, слезы выступили у нее на глазах.

– Хемуль нигде не пропадет, – продолжала Туутикки. – Неужели лучше ждать того часа, когда он сам поймет, что мы его не любим. Сам посуди.

– Послушай, а может, ты сама скажешь ему обо всем? – жалобно попросил Муми-троль.

– Он ведь живет в твоём саду, – ответила Туу-тикки. – Освободи от него сад. Всем станет лучше. И ему тоже.

Потом разговор стих, и Туу-тикки вылезла в окошко.

Крошка Саломея лежала без сна и смотрела в темноту. Так вот оно что! Они собираются прогнать Хемуля вместе с его медным рогом! Они хотят, чтобы он упал вниз, в пропасть. Оставалось одно: предупредить его о Пустынных горах. Но предупредить осторожно. Чтобы он не понял, как все хотят от него отделаться. А иначе он огорчится.

Всю ночь крошка Саломея не спала и раздумывала. Ее маленькая головка не привыкла к таким сложным размышлениям, и под самое утро она имела неосторожность заснуть. Она проспала и утренний кофе, и обед, и никто, вообще-то говоря, о ней даже и не вспомнил.

Выпив кофе, Муми-троль поднялся на холм, с которого катались на лыжах.

– Привет! – воскликнул Хемуль. – Здорово, что ты пришел сюда! Можно я научу тебя делать совсем маленький простой поворот, ну совсем неопасный?

– Спасибо, только не сейчас, – ответил Мумитроль, чувствуя себя ужасно несчастным. – Я пришел поболтать.

– Вот здорово! – воскликнул Хемуль. – Вы ведь не очень-то болтливы, как я посмотрю. Стоит мне появиться, как вы замолкаете и удираете прочь.

Муми-троль быстро взглянул на него, но на морде Хемуля были написаны лишь любопытство и радость. Тогда, облегченно вздохнув, Муми-троль сказал:

– Дело в том, что в Пустынных горах попадаются совершенно удивительные холмы.

– Вот как? – спросил Хемуль.

– Да, да! Необыкновенные! – возбужденно продолжал Мумитроль. – Они тянутся то вверх, то вниз и просто необыкновенны!

– Надо бы поглядеть. Но путь туда неблизкий. Если я отправлюсь в Пустынные горы, может статься, мы не встретимся нынешней весной. А жаль, не правда ли?

– Ага! – соврал Муми-троль и густо покраснел.

– Но подумать об этом во всяком случае стоит, – продолжал размышлять вслух Хемуль. – Это была бы жизнь на диких пустошах. Большие, сложенные из бревен костры по вечерам и новые победы над горными вершинами каждое утро! Долгие пробежки в ущельях и лощинах, покрытых мягким, нетронутым снегом, который скрипит, когда его разрезают лыжи... – Хемуль погрузился в мечты. – Как любезно с твоей стороны, что ты беспокоишься обо мне и о том, как я катаюсь на лыжах, – с благодарностью сказал он.

Муми-троль посмотрел на него. Нет, больше так нельзя.

– Но холмы в Пустынных горах опасны! – воскликнул он.

– Только не для меня! – ответил Хемуль. – Как мило, что ты боишься за меня, но я люблю холмы!

– Ведь эти холмы просто ужасны! – воскликнул Муми-троль. – Они спускаются прямо в пропасть и даже не покрыты снегом! Я сказал неправду! Теперь я вдруг вспомнил, что там совсем нельзя кататься!

– Ты уверен в этом? – удивленно спросил Хемуль.

– Поверь мне! – умолял Муми-тролль. – Милый Хемуль, останься с нами. Я как раз думал научиться ходить на лыжах.

– Ну ладно! – согласился Хемуль. – Если вам так хочется удержать меня здесь, я останусь.

Беседа с Хемулем страшно взволновала Мумитролля, и он не мог идти домой. Вместо этого он спустился с холма и пошел вдоль морского берега, сделав большой крюк вокруг купальни.

Он шел, испытывая все большее и большее облегчение. Под конец он почти развеселился, посвистывал и, пиная, гнал перед собой кусок льда. И тут вдруг начал медленно падать снег.

Муми-тролль никогда прежде не видел снегопада и потому очень удивился.

Снежинки одна за другой ложились на его теплый нос и таяли. Он ловил их лапой, чтобы хоть на миг восхититься их красотой, он задирал голову и смотрел, как они опускаются на него; они были мягче и легче пуха, и их становилось все больше и больше.

"Так вот как, оказывается, это бывает, – подумал Муми-тролль, – а я-то считал, что снег растет снизу, из земли".

Воздух сразу потеплел. Кругом ничего, кроме падающего снега, не было видно, и Муми-тролль впал в такой же восторг, как бывало летом, когда он переходил вброд озеро. Сбросив купальный халатик, он во всю длину растянулся в снежном сугробе.

"Зима! – думал он. – Ведь ее тоже можно полюбить!"

За окном уже стемнело, когда крошка Саломея в страхе проснулась: она что-то прозевала. И сразу вспомнила Хемуля.

Она спрыгнула с комода сначала на стул, а потом на пол. Гостиная была пуста, потому что все были внизу, в купальне, и обедали. Саломея вылезла в окошко и, задыхаясь от слез, ринулась через снежный туннель из дому.

Не было ни луны на небе, ни северного сияния! Только густо падающий снег – он залеплял глаза и одежду, идти становилось все труднее. Крошка Саломея приковыляла к снежному дому Хемуля и заглянула туда. В доме было темно и пусто.

Тут Саломею охватил страх, и вместо того чтобы подождать, она кинулась навстречу вьюге.

Она звала своего обожаемого Хемуля, но это было совершенно напрасно – все равно что пробовать докричаться через подушки, набитые перьями. А ее едва заметные следы мгновенно засыпал падающий снег.

Поздно вечером снегопад прекратился.

Снег опустился на землю, и горизонт, словно кто-то отдернул легкую занавеску, очистился до самого моря. И уже там, над ним, темно-синяя гряда облаков закрыла заходящее солнце.

Муми-тролль смотрел на надвигающуюся с моря непогоду. Казалось, будто перед последним трагическим актом пьесы поднялся занавес. Сцена, белоснежная и пустынная, простиралась до самого горизонта, а над берегом быстро спускалась морозная темнота. Муми-тролль, никогда не видевший снежной вьюги, думал, что бушует гроза. Он решил во что бы то ни стало не пугаться, когда раздадутся первые плухие раскаты грома.

Но гром не загремел. Даже молнии не засверкали. Зато с белой макушки одной из скал, тянувшихся вдоль берега, метнулся ввысь

слабый снежный вихрь.

Легкие порывы беспокойного ветерка поспешно перебежали взад-вперед по льду и, уносясь вдаль, шептались в прибрежном лесу. Темно-голубая гряда облаков росла, ветер становился все сильнее.

Внезапно Муми-троллю показалось, будто распахнулась какая-то огромная дверь, ветер ворвался в нее, тьма разинула свою пасть, и все наполнилось летящим мокрым снегом.

Снег уже не падал сверху, а с невероятной силой носился над землей, он завывал, он толкал, валил с ног, словно живое существо.

Потеряв равновесие, Муми-тролль упал. Снег залепил ему глаза, набился в уши. Муми-троллю стало страшно.

Время и весь мир куда-то исчезли, не за что было ухватиться, и ничего не было видно, остался лишь заколдованный вихрь пляшущей влажной мглы.

Если бы на берегу случайно оказался кто-нибудь сведущий и разумный, он мог бы сказать, что наступает весна, которая будет долгой.

Но никого такого на берегу не оказалось; там был только один-единственный растерявшийся Мумитролль, который, барахтаясь в снегу, полз на четвереньках навстречу ветру, совсем не в ту сторону, куда ему было нужно.

Он все полз и полз, и снег уже целым сугробом лежал на его мордочке. Теперь Муми-тролль ни капельки не сомневался в том, что зима придумала эту метель: ведь ей надо раз и навсегда доказать, что от нее все равно не спастись.

И надо же было сначала обмануть его роскошным хороводом медленно падающих пушистых снежинок, а потом устроить вьюгу и бросить весь этот красивый снег ему в мордочку. И как раз тогда, когда он думал, что начинает любить зиму.

Мало-помалу Муми-тролль разозлился.

Он поднялся и попытался было кричать на ураган. Он бил снег и слегка повизгивал – ведь все равно никто не мог его услышать.

А потом устал и повернулся к снежному бурану спиной. Ветер тут же унялся, и только тогда Мумитролль почувствовал: ветер был теплый! Он увлек Муми-тролля за собой, сделал его таким легким, что Муми-троллю казалось, будто он летит.

"Я одно целое с ветром и непогодой, я частица снежной бури, – подумал растроганный Муми-тролль. – Это почти как летом. Борешься с волнами, а потом поворачиваешься, позволяешь швырнуть себя прямо в прибой и отправляешься в плавание, словно бутылочная пробка; в пене морской играют сотни маленьких радуг, а ты, чуть испуганный, смеяшь, причаливаешь к пустынному берегу".

Муми-тролль распростер лапы и полетел.

"Пугай себе, зима, сколько влезет, – в восторге думал он. – Теперь я тебя раскусил. Ты не хуже всего остального, только тебя надо узнать. Теперь тебе меня больше не обмануть!"

А зима неслась вместе с ним далеко-далеко по всему берегу, пока Муми-тролль не уткнулся носом в сугроб на заснеженном причале и не увидел слабый свет, падавший из окошка купальни.

– Вот оно что, я спасен, – сказал озадаченный Муми-тролль.

Как жаль, что все самое интересное кончается тогда, когда его перестаешь бояться и когда тебе, наоборот, уже становится весело.

Он открыл дверь, и навстречу снежной буре хлынула волна теплого пара. Муми-тролль с трудом разглядел, что купальня битком набита народом.

– Вот явился! Это один из их компании! – крикнул кто-то.

– А кто еще из нашей компании? – спросил Мумитролль, протирая глаза от залепившего их снега.

– Крошка Саломея заблудилась в снежном буряне, – серьезно сказала Туу-тикки.

Стакан подогретого сока словно сам по себе повис в воздухе.

– Спасибо! – кивнул Муми-тролль мышкам-невидимкам и сказал: – Но ведь крошка Саломея никогда не выходит из дому?

– Мы тоже никак не можем этого понять, – сказал Хомса-старший. – А искать ее не стоит, пока буря не уймется. Крошка Саломея может быть где угодно, и скорее всего ее засыпало снегом.

– А где же Хемуль? – спросил Муми-тролль.

– Он отправился ее искать, – сообщила Туу-тикки. И, ехидно усмехнувшись, добавила: – Вы с ним, кажется, говорили о Пустынных горах?

– Ну и что, – пылко возразил Муми-тролль.

Туу-тикки ухмыльнулась еще сильнее.

– Ты умеешь замечательно уговаривать, – сказала она. – Хемуль поведал нам, что холмы в Пустынных горах очень жалкие и кататься на лыжах там просто невозможно. Он страшно рад, что мы так любим его.

– Но я думал... – начал было Муми-тролль.

– Успокойся, – примирительно сказала Туу-тикки. – Может статься, мы и полюбим его.

Вполне возможно, что Хемуль был толстокожим и не всегда понимал, что нравится и что не нравится тем, кто его окружает. Зато нюх на погоду был у него получше, чем у пса Юнка. (К тому же нюх Юнка как раз теперь притупили тоска и раздумье.)

Хемуль отыскал на чердаке пару старых теннисных ракеток и приспособил их вместо снегоступов. Он спокойно топал по снегу сквозь пургу, шаря глазами по белой равнине, и, принюхиваясь,

пытался уловить запах самого маленького существа, какое только можно найти на свете.

Ему пришло в голову зайти в свой снежный дом, и там он уловил запах крошки Саломеи.

"Крошка была здесь и искала меня, – добродушно подумал Хемуль. – А зачем?.."

Внезапно Хемуль смутно вспомнил, как крошка Саломея пыталась ему что-то сказать, но очень застеснялась и не посмела.

И пока он протапывал себе дальше дорогу в снежном буране, одна картина за другой вставали в его памяти: вот крошка ожидает его на горке... вот бежит по следу... вот обнюхивает медный рог...

И Хемуль смущенно подумал: "А ведь я был с ней невежлив!"

Он не мучился угрызениями совести – такое с хемулями случается редко, – но ему еще больше захотелось найти крошку Саломею.

Тогда он встал на колени в снегу, чтобы удостовериться, не потерял ли он ее след.

След беспорядочно петлял, как бывает у мелких зверьков, когда они не помнят себя от испуга. В какой-то миг крошка была на мосту, страшно близко к краю моста. Потом след ее пошел вверх по склону и исчез на холме.

Хемуль подумал немного – а для него это было достаточно трудно – и начал разгребать снег на холме. Он рыл очень долго. И наконец нащупал что-то очень маленькое и теплое.

– Не бойся, – сказал Хемуль. – Это всего лишь я.

Он сунул малютку за пазуху между фуфайкой и курткой из меха ламы, поднялся на ноги и зашлепал дальше на своих снегоступах.

А вообще-то он сразу забыл про крошку Саломею и думал теперь лишь о стакане подогретого сока.

На другой день, в воскресенье, ветер улегся. Было тепло, пасмурно, и все чуть ли не по колено утопали в снегу.

Вся долина, озаренная луной, казалась игрушечной. Одни сугробы походили на огромные круглые булки, другие образовали красиво изогнутые горные гряды с остроконечными вершинами. На каждый куст была надета большая снежная шляпа. А деревья выглядели как гигантские торты, придуманные кондитером с удивительной фантазией.

В виде исключения все гости высыпали на снег и устроили настоящую войну снежками. Варенье почти уже кончилось, но оно все же придало гостям сил, их лапы окрепли.

Хемуль сидел на крыше дровяного сарая и трубил в свой медный рог, а рядом с ним сидела счастливая крошка Саломея.

Он играл свой любимый "Марш хемулей" и закончил его особенно замысловатым пассажем. Потом, повернувшись к Муми-

тролля, сказал:

– Ты только не расстраивайся, но я все же поеду в Пустынные горы. А следующей зимой обещаю научить тебя кататься на лыжах.

– Я ведь говорил тебе... – огорченно начал Мумитролля.

– Знаю, знаю, – прервал его Хемуль. – Тогда в Пустынных горах было именно так. Но после снежного бурана холмы там стали просто замечательные. И подумать только, сколько там свежайшего воздуха!

Муми-тролля взглянул на Туу-тикки.

Она кивнула. Это означало: пусть едет. Все разъяснилось и наладится само собой.

Муми-тролля вошел в дом и открыл печную вьюшку. Сначала он тихонько позвал своего предка при помощи неназойливого опознавательного сигнала, звучавшего примерно так: тиу-уу, тиу-уу. Предок не отвечал.

"Я совсем забыл про него, – подумал Муми-тролля. – Но то, что происходит сейчас, в самом деле гораздо интереснее, чем то, что было тысячу лет назад".

Он вытащил из печки большую банку клубничного варенья. А потом написал кусочком угля на закрывавшей банку бумажной обертке: "Моему старому другу – Хемулю".

В тот вечер Юнку пришлось пробираться целый час по снегу, прежде чем он добрался до своей ямки, где обычно сидел и тосковал. Всякий раз, когда пес сидел здесь, тоскуя, ямка печали становилась чуть больше, но теперь она вообще утонула в снегу.

Пустынные горы от подножий до вершин были одеты снегом и раскинулись перед Юнком во всей своей роскошной белизне. Ночь была безлунная, но звезды необычайно ярко светили во влажном воздухе. Далеко-далеко глухо прогрохотал снежный обвал. Юнк уселся в ямку и стал ждать волков.

Этой ночью ему пришлось ждать долго.

Он представлял себе, как волки бегут по заснеженному полю, серые, сильные, огромные, и как они внезапно останавливаются, заслышав его вой на опушке леса.

А может, они думают: "Там, вдалеке, у нас есть товарищ. Двоюродный брат, с которым неплохо было бы познакомиться..."

Мысль об этом взволновала Юнка, и фантазия его вдруг дерзко разыгралась. Пока пес ждал, он вышивал свою мечту красочными

узорами. Вот стая волков внезапно появляется где-то на дальней горной гряде. Они бегут к нему. Они виляют хвостами...

Тут Юнк вспомнил, что настоящие волки никогда не виляют хвостами. Но это не важно. Во всяком случае они бегут к нему, они его узнали... Они решили наконец позволить ему сопровождать стаю...

Однако если бы мечта Юнка осуществилась, ему грозила бы опасность. И мысль об этом ошеломила одинокого пса; подняв морду к звездам, подавленный тоской, Юнк завыл.

И вдруг волки ответили ему.

Они были так близко, что Юнка охватил страх. Он сделал неловкую попытку зарыться в снег. Повсюду вокруг него зажглись огоньками волчьих глаз.

Теперь волки замолчали. Они окружили Юнка кольцом, и кольцо это все сжималось и сжималось.

Виляя хвостом, Юнк заскулил, но никто ему не ответил. Он снял свою шерстяную шапчонку и подбросил ее в воздух, желая показать, что он охотно поиграл бы с волками и что вообще он совсем безобидный пес.

Но волки даже не посмотрели на его шапчонку. И внезапно Юнк понял, как он ошибся! Волки вовсе не его братья, с ними не поиграешь.

"Волки съедят тебя в два счета, и ты едва ли успеешь раскаяться в том, что вел себя как крупный дурак, – подумал Юнк и перестал вилять хвостом. – Как жаль, а ведь я бы мог спокойно спать по ночам, вместо того чтобы сидеть в снегу и тосковать до слез..."

Волки подходили все ближе.

И тут вдруг в лесу раздался звонкий звук медного рога. То была гремящая музыка духового инструмента, музыка, от которой с деревьев посыпался снег и заморгали желтые волчьи глаза. В одну секунду опасность миновала, и только шерстяная шапчонка осталась лежать на снегу рядом с Юнком. А с горного склона на широких снегоступах, с трудом волоча ноги, спускался Хемуль.

В походном мешке Хемуля лежала согретая теплом сонная крошка Саломея и прислушивалась к музыке рога.

– Ты что тут сидишь, песик? – спросил Хемуль. – Долго ждал меня?

– Нет, – ответил Юнк.

– Скоро мы перейдем на твердый снежный наст, – радостно сообщил Хемуль. – А когда мы доберемся до Пустынных гор, я дам тебе теплого молока из термоса.

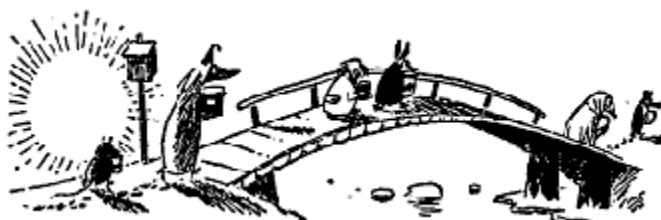
И Хемуль, не оглядываясь, побежал дальше.
Юнк брел следом за ним. Ему показалось это самым правильным.
Иначе он поступить не мог.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первая весна

После первой весенней бури в долину пришли беспокойство и перемены. Гости еще сильнее затосковали по дому. Один за другим отправлялись они в путь, чаще всего ночью, когда снежный наст твердый и по нему легче было идти. Кое-кто смастерил себе лыжи, и каждый захватил на дорогу хотя бы маленькую баночку с вареньем. Уходившие последними поделили между собой банку клюквенного варенья.

Вот и самые последние гости перешли мост, и погреб с вареньем совсем опустел.

– Теперь мы остались втроем, – сказала Туу-тикки, – ты, я да малышка Мю. А все таинственные, загадочные существа спрятались до следующей зимы.

– Я так и не разглядел того, с серебристыми рогами, – вздохнул Муми-тролль. – И тех малюток с длинными ногами, которые скользили по льду. Или то черное с необычайно огромными глазами, что перелетело через костер.

– Их царство – зима, – объяснила Туу-тикки. – Разве ты не видишь, что скоро наступит весна?

Муми-тролль покачал головой.

– Еще рано. Я не узнаю ее, – сказал он.

Но Туу-тикки вывернула наизнанку свою красную шапчонку – подкладка ее оказалась нежно-голубой.

– Я всегда выворачиваю наизнанку шапчонку, когда нос мой чует весну, – проговорила она. И, усевшись на крышку колодца, запела

примерно так:

Я – Туу-тикки,
чую носом теплые ветры.
Теперь налетят великие бури.
Теперь понесутся грохочущие лавины.
Теперь я переверну всю землю,
так что все станет по-другому,
и все смогут снять шерстяные вещи
и положить их в шкаф.

Однажды вечером Муми-тролль возвращался из купальни и вдруг замер посреди дороги и наострил уши.

Стояла обычная, теплая ночь, полная трепета и шорохов. Деревья давно стряхнули с себя снег, и Муми-тролль слышал, как колышутся в темноте их ветви.

Издалека, с юга, налетел сильный порыв ветра. Муми-тролль почувал, как ветер с шумом промчался мимо него по лесу к противоположному склону горы.

Каскад водяных капель обрушился с деревьев вниз в темнеющий снег, и Муми-тролль, подняв нос, принялся.

Может, это был запах земли. Муми-тролль пошел дальше, уже зная, что Туу-тикки права: в самом деле наступает весна.

Впервые за долгое время Муми-тролль внимательно посмотрел на своих спящих папу и маму. Он подержал лампу и над фрекен Снорк, задумчиво разглядывая ее челку, которая блестела при свете лампы. Фрекен Снорк действительно была очень мила. Как только она проснется, она тут же кинется к шкафу и вытащит свою зеленую весеннюю шляпу. Так она делала всегда.

Муми-тролль поставил лампу на выступ изразцовой печи и оглядел гостиную. Комната, по правде говоря, выглядела ужасно. Много вещей было раздарено, взято на время или попросту украдено каким-нибудь легкомысленным гостем.

А те вещи, что еще остались, находились в невообразимом беспорядке. Кухня была завалена невымытой посудой. Огонь в печи

парового отопления угасал, потому что кончились дрова. Погреб с вареньем опустел. Оконное стекло было разбито.

Муми-тролль погрузился в раздумье.

С крыши дома начал медленно сползать мокрый снег. И когда он падал, раздавался грохот. В верхней части окошка, выходящего на юг, внезапно показался клочок пасмурного ночного неба.

Подойдя к парадной двери, Муми-тролль потрогал ее. Ему показалось, что она чуть-чуть подалась. Тогда, упершись лапами в пол, он стал толкать ее изо всех сил.

Медленно, медленно, отодвигая огромные снежные сугробы, входная дверь отворялась.

Муми-тролль не сдавался – и вот дверь распахнулась навстречу ночи. Ветер ворвался прямо в гостиную. Он смел пыль с люстры, окутанной тюлем, взметнул золу в печи. Потом чуть приподнял гляцевые картинки, крепко приклеенные к стенам. Одна из них отклеилась и вылетела за дверь.

В комнате стоял запах ночи, хвойного леса, и Муми-тролль подумал: "Вот хорошо! Надо время от времени проветривать своих родственников".

Выйдя на крыльцо, он стал вглядываться во влажную мглу.

– Теперь у меня есть все, – сказал Муми-тролль самому себе. – Весь год в моем распоряжении. И зима тоже. Я первый в мире муми-тролль, который прожил, не погрузившись в зимнюю спячку, целый год.

Собственно говоря, тут бы и следовало завершить эту зимнюю сказку. Рассказ о первой весенней ночи и о ветре, ворвавшемся в гостиную, в своем роде эффектная концовка. А там придумывай себе на свободе, что было дальше. Но на самом деле это означало бы самый обыкновенный самообман.

Разве можно наверняка знать наперед, что скажет например, мама, когда проснется? И останется ли предок муми-троллей в изразцовой печи? И успеет ли вернуться Снусмумрик до того, как будет написана последняя страница этой книги? И расстроится ли Мюмла, лишившись картонной коробки? И где будет жить Туу-тикки, когда купальня снова станет купальней? И еще останется выяснить множество других вещей.

Так что, пожалуй, правильной всего продолжить рассказ.

Ну, а самое главное – это ледоход; такое замечательное событие обойти никак нельзя.

И вот наступил таинственный месяц. Он принес яркие солнечные дни, капель с крыш, ветры и мчащиеся тучи, лютую стужу по ночам, твердый снежный наст и ослепительный лунный свет. Муми-тролль бегал по долине вне себя от гордости и ожидания.

Пришла весна, но вовсе не такая, какую он себе представлял. Вовсе не та весна, что освободила его от чуждого и враждебного мира, а весна – естественное продолжение того нового и удивительного, что он преодолел и с чем сумел освоиться.

Муми-тролль надеялся, что весна– будет долгой и он сможет сохранить чувство ожидания как можно дольше. Каждое утро он почти боялся величайшего чуда – а вдруг кто-то из его семейства проснется.

Он осторожно передвигался по гостиной, боясь на что-нибудь наткнуться. А потом мчался в долину, вдыхал новые запахи и смотрел, что случилось за это время.

С южной стороны дровяного сарая начал оголяться клочок земли. Березки оделись нежной красноватой дымкой, видной только на

расстоянии. Солнце припекало сугробы, которые стали совсем прозрачными и потрескивали, точно стекло. А лед потемнел, словно сквозь него просвечивала морская синева.

Малышка Мю по-прежнему каталась на самодельных коньках – всюду, где еще можно было кататься. Вместо крышек от банок она приспособила к ботинкам поставленные ребром кухонные ножи.

Муми-тролль видел даже восьмерки, которые она выписывала своими коньками, но саму малышку Мю никогда не встречал.

Она всегда обладала способностью развлекаться одна, и что бы она ни думала о весне и как бы она ей ни нравилась, у малышки Мю не было ни малейшего желания высказываться по этому поводу.

Туу-тики занималась весенней уборкой в купальне.

Она дочиста выскребла все красные и зеленые оконные стекольца, чтобы первой весенней мухе было приятно сесть на них, она развесила на солнце купальные халаты и пыталась починить резинового хемуля.

– Теперь купальня станет снова купальней, – сказала она. – Чуть позднее, когда наступит тепло и все зазеленеет, ты будешь лежать на нагретых солнцем мостках купальни и слушать, как волны плещутся о берег...

– Почему ты не говорила об этом зимой? – спросил Муми-тролль.
– Это утешило бы меня. Я сказал: "Здесь росли яблоки". А ты

ответила: "Теперь здесь растет снег". Разве ты не поняла, что я сразу захандрил?

Туу-тики пожала плечами.

– Нужно доходить до всего своим умом, – сказала она, – и переживать все тоже одному.

Солнце припекало все жарче.

Оно пробуравило небольшие ямки и каналы во льду, и море подо льдом, волнуясь, стремилось вверх.

По ночам Муми-тролль слышал, как в спящем доме что-то щелкает и трещит.

Предок не подавал признаков жизни. Он закрыл за собой печные вьюшки и, быть может, перенесся в другие времена, те, что были тысячу лет назад. Шнурок от вьюшки вместе с кисточкой, бисером и прочей роскошью исчез в щелке между изразцовой печью и стеной.

"Шнурок ему понравился", – подумал Мумитролль. Теперь он уже больше не спал в корзине с древесной стружкой, а перебрался на свою собственную кровать. По утрам солнце все глубже и глубже заглядывало в гостиную, удивленно освещая паутину и хлопья пыли. Самые крупные, сбившиеся в клубок хлопья Муми-тролль выносил на веранду, а мелким и легким позволял кататься взад-вперед как им вздумается.

В полдень земля под окном, выходящим на юг, нагрелась. В глубине ее зашевелились коричневые луковицы цветов и крохотные корни растений, которые жадно впитывали тающий снег.

А однажды ветреным днем, до того, как наступить сумеркам, послышался сильный и величественный грохот в открытом море.

– Ага, – сказала Туу-тикки, ставя чашку с чаем на стол. – Вот и весенняя канонада.

Лед медленно вздыбился, и снова раздался грохот.

Муми-тролль выскочил из купальни и стоял, прислушиваясь, на теплом ветру.

– Посмотри, вот наступает море, – сказала за его спиной Туу-тикки.

Далеко-далеко в море шипели белопенные волны, сердитые, голодные, поглощавшие одну за другой глыбы зимнего льда.

Но вот ближе к берегу лед раскололся, черные трещины разбежались в разные стороны, а потом исчезли из виду. Море вздыбилось снова. И снова по льду разбежались трещины. Они становились все шире и шире.

– А я знаю кого-то, кто очень спешит, – сказала Туу-тикки.

Конечно, это была малышка Мю. Без нее уж было никак не обойтись. Она наверняка заметила: что-то происходит, и ей нужно было все как следует разглядеть даже там, где море очистилось ото льда. Она подкатила к самому краю льдины и выписала лихую восьмерку у самого рокочущего моря.

Затем, повернувшись, быстро помчалась по треснувшим льдинам.

Сначала трещины были совсем тонкими. Но они уже издали предупреждали: "Опасно".

Лед вздымался и опускался, а порой раздавался настоящий празднично-разрушительный салют, от которого по спине восхищенной малышки Мю пробегал холодок.

"Только бы эти болваны не вздумали выйти на лед спасти меня, – подумала она. – Они только испортят мне праздник".

Она помчалась так, что кухонные ножи чуть не сплющились, но берега все равно не было видно.

Теперь трещины расширились и превратились в реки. На лед плеснула маленькая сердитая волна.

Внезапно море наполнилось качающимися ледяными островками, беспорядочно ударявшимися друг о друга. На одном из таких островков застряла малышка Мю. Она видела, как полоса воды вокруг нее все расширяется, и, не очень-то испугавшись, подумала: "Вот так хорошенькая история!"

Муми-тролль тут же ринулся ее спасать.

А Туу-тикки, поглядев еще немного, пошла в купальню и поставила воду на огонь. "Да, да, – думала она, вздыхая. – Вот так бывает всегда в приключенческих повестях. Все только и делают, что спасают друг друга и спасаются сами. Хотела бы я, чтобы кто-нибудь когда-нибудь написал о той, кто пытается потом согреть героев".

Муми-тролль бежал по льдине, а рядом с ним, не отставая ни на шаг, бежала маленькая трещина, с которой он не спускал глаз. Муми-тролль чувствовал: в море поднялась мертвая зыбь, и льдина вздыбилась, потом она треснула и начала качаться.

Малышка Мю спокойно стояла на своем ледяном островке, разглядывая прыгающего по льдине Мумитролля.

Он был похож на подскакивающий резиновый мячик, а глаза у него от любопытства и напряженного ожидания были круглые, словно шарики. Когда он остановился возле малышки Мю, она, протянув к нему лапку, сказала:

– Посади меня к себе на голову, чтоб я могла поскорее соскочить, когда увижу, что ты гибнешь.

Крепко схватив его за уши, она закричала:

– К берегу, поворот!

Муми-тролль бросил быстрый взгляд в сторону купальни. Из трубы вился дымок, но никто не стоял на мостках причала и никто не беспокоился о них с Мю. Муми-тролль помедлил минутку, чувствуя, как от разочарования у него внезапно устали ноги.

– Полный вперед! – опять закричала малышка Мю.

И, стиснув зубы. Муми-тролль устремился вперед. Ноги у него дрожали от усталости, и всякий раз, перескакивая на новую льдину, он чувствовал, как вода холодным душем окатывала ему живот. Но он бежал и бежал.

Море вскрылось ото льда, и волны танцевали вальс.

– Подпрыгивай вместе с волнами, – разорялась малышка Мю. – Вот еще одна волна... Ты чувствуешь ее под ногами... Прыг!

И как раз в ту минуту, когда волна медленно выбивала льдину из-под ног Муми-тролля, он прыгал на другую.

– Раз, два, три, – считала в ритме вальса малышка Мю. – Раз, два, три, погоди – раз, два, три. Прыг!

Его ноги дрожали, а живот и грудь совсем похолодели. Внезапно пасмурное небо прорезали багряные лучи заходящего солнца, а лед и волны заблестели так, что глазам стало больно. Спина Муми-тролля нагрелась, но живот его мерз все сильнее, и весь этот суровый мир танцевал вместе с ним вальс.

Из окошка купальни за ними внимательно следила Туу-тикки и вот теперь поняла: дело плохо.

"Ай, ай, – подумала она. – Ведь он не знает, что я все время наблюдаю за ним..."

Туу-тикки поспешила на мостки причала и крикнула:

– Bravo!

Она чуть было не опоздала.

Муми-тролля не удалось на этот раз перепрыгнуть на новую льдину, и он упал, по уши погрузившись в море, и маленькая веселая льдинка неустанно толкала его в затылок.

Отпустив уши Муми-тролля, малышка Мю прыгнула на берег. Гоп-ля! Удивительно, до чего легко со всем справляешься, если тебя зовут Мю!

– Держи! – сказала Муми-тролля Туу-тикки, протянув ему свою крепкую лапку. Она лежала животом вниз на стиральной доске Муми-мамы и смотрела в его взволнованные глаза. – Так, так... – сказала она.

Туу-тикки медленно вытащила его на край льдины. Он вскарабкался на берег и сказал:

– Ты даже не вышла посмотреть...

– Я видела тебя в окошко, – огорченно сказала Туу-тикки. – А теперь иди в купальню и согрейся.

– Нет, я пойду домой, – ответил Муми-тролль.

Встав на ноги, он, ковыляя, отправился к дому.

– А подогретый сок?! – закричала ему вслед Туутикки. – Не забудь выпить чего-нибудь теплого!

Дорога была мокрой от тающего снега, и Мумитролль ступал на корни деревьев и хвойные иголки; его трясло от холода, а ноги по-прежнему противно дрожали.

Он едва повернул голову, когда прямо перед ним перебежал дорогу маленький бельчонок.

– Счастливой весны! – рассеянно сказал бельчонок.

– Не очень-то она счастливая! – ответил Мумитролль и пошел дальше.

Вдруг он резко остановился и уставился на бельчонка. У бельчонка был длинный пушистый хвостик, блестевший в лучах заходящего солнца.

– Это тебя зовут – бельчонок с хорошеньким хвостиком? – медленно спросил Муми-тролль.

– Ясное дело, меня! – ответил бельчонок.

– Так это ты! – воскликнул Муми-тролль. – Это и вправду ты? Тот, что повстречал Ледяную деву?

– Не помню, – сказал бельчонок. – Ты ведь знаешь, я такой забывчивый.

– Постарайся вспомнить, – умолял бельчонок Муми-тролль. – Разве ты не помнишь хотя бы тот уютный матрасик с ключьями шерсти?

Почесав себя за ушком, бельчонок задумался.

– Я помню много всяких разных матрасиков, – сказал он, – с ключьями шерсти и без них. Лучше ключьев шерсти я не знаю ничего.

И бельчонок беспечно поскакал дальше в лес.

"Ну, это надо будет выяснить позднее, – подумал Муми-тролль. – Мне сейчас слишком холодно, мне надо домой..."

И он чихнул, так как впервые в жизни сильно простудился.

Котел парового отопления в погребке остыл, и в гостиной было очень холодно.

Дрожащими лапами Муми-тролль накладывал на живот и грудь один коврик за другим, но никак не мог согреться. Ноги болели, в горле саднило. Жизнь внезапно стала такой горестной, а мордочка казалась чужой и слишком большой. Муми-тролль попытался свернуть свой холодный как лед хвост, но тут он снова чихнул.

И тогда его мама проснулась.

Она не слыхала залпов канонады во время ледохода, не слыхала она и снежного бурана, завывавшего в изразцовой печи. Ее дом был полон шумных гостей, а будильники звонили всю зиму, так ни разу и не разбудив ее.

Теперь же она открыла глаза и, окончательно проснувшись, посмотрела в потолок.

Потом, усевшись на кровати, она сказала:

– Ну вот, ты и простудился.

– Мама, – стуча зубами, ответил Муми-тролль, – если б я только был уверен в том, что это тот самый бельчонок, а не какой-нибудь другой.

Мама тут же направилась в кухню подогреть сок.

– Там грязная посуда! – несчастным голосом закричал Муми-тролль.

– Ничего, – сказала мама. – Все уладится.

Она нашла несколько поленьев за помойным ведром. А из своего потайного шкафа вытащила смородиновый сок, какой-то порошок и фланелевый шейный платок.

Когда вода закипела, она смешала порошок – сильное средство от простуды – с сахаром, имбирем и ломтиками высушенного лимона, который лежал за грелкой для кофейника, почти на самой верхней полке.

Но грелки для кофейника теперь уже больше не было. Не было даже кофейника. Однако Муми-мама этого не заметила. На всякий случай она пробормотала маленький волшебный стишок над лекарством от простуды. Стишку этому она выучилась у своей бабушки, маминой мамы. Потом она пошла в гостиную и сказала:

– Выпей лекарство, пока оно теплое.

Муми-тролль выпил лекарство, и нежное тепло заструилось в его промерзший живот.

– Мама, – сказал он. – Я должен тебе столько всего объяснить...

– Сначала ты должен выспаться, – прервала его мама, обмотав ему вокруг шеи фланелевый платок.

– Только одно, – сонно сказал он. – Обещай, что ты не затопишь печь, там живет наш предок.

– Конечно, не затоплю, – ответила мама.

Внезапно ему стало совсем тепло, и он почувствовал, что спокоен и ни за что больше не должен отвечать. Тихонько вздохнув, он зарылся носом в подушку. И тут же уснул, позабыв обо всем на свете.

Мама сидела на веранде и жгла киноленту увеличительным стеклом. Лента дымилась и горела, а едкий приятный запах щекотал

маме нос.

Солнце было жарким, так что от мокрой веранды шел пар, но в тени за крыльцом стоял ледяной холод.

– Вообще-то надо бы просыпаться чуть раньше по весне, – заметила мама.

– Это так правильно! – согласилась с ней Туу-тикки. – Он еще спит?

Мама кивнула.

– Ты бы видела, как он прыгал по льдинам! – гордо сказала малышка Мю. – Это он-то, который прохныкал ползими и приклеивал к стенам плянцевые картинки.

– Знаю, я их видела, – ответила мама. – Наверно, ему было страшно одиноко.

– А потом он пошел и отыскал какого-то древнего предка, – продолжала малышка Мю.

– Пусть сам расскажет все, когда проснется, – решила Муми-мама. – Вижу, здесь произошло немало событий, пока я спала.

С кинолентой было уже покончено, а кроме того, мама умудрилась выжечь на веранде круглую черную дыру.

– Следующей весной я должна проснуться раньше всех, – повторила мама. – Чтобы пожить немного спокойно и делать все, что захочется.

Когда Муми-тролль наконец проснулся, горло у него больше не болело.

Он увидел, что мама сняла с люстры тюлевый чехол и повесила занавески. Мебель стояла на своих прежних местах, а вместо разбитого стекла был вставлен лист картона. Все хлопья пыли исчезли.

Но хлам, который предок набросал возле печки, лежал нетронутым. На красочном плакате мама написала: "Трогать запрещается!"

Из кухни доносился успокаивающий звон посуды, которую мыла мама.

"Рассказать ей о том, кто живет под кухонным столиком? – подумал Муми-тролль. – А может, не надо..." Он раздумывал, надо ли ему еще немножко притворяться больным – пусть за ним поухаживают. Но потом решил, что будет еще интереснее позаботиться о маме, развлечь ее. Тогда он вышел на кухню и сказал:

– Пойдем, я покажу тебе снег.

Мама тотчас же бросила мыть посуду, и они вышли на солнце.

– Снега осталось не так уж много, – объяснил Муми-тролль. – Но ты бы видела, сколько его зимой! Весь дом был завален сугробами! Можно было провалиться до самого носа. Понимаешь, снежинки падают с неба, словно маленькие-премаленькие холодные звездочки, а наверху, в черном небе, висят голубые и зеленые занавески, которые так и колышутся.

– Как красиво! – сказала мама.

– Да, а потом можно еще кататься по снегу, – продолжал Муми-тролль. – Это называется -кататься на лыжах. Съезжаешь прямо вниз, как молния, в огромном облаке снега, и если быть невнимательным, можно даже разбиться насмерть!

– Что ты говоришь?! – удивилась мама. – И для этого-то пользуются подносами?

– Нет, на них лучше кататься по льду, – обиженно пробормотал глубоко задетый Муми-тролль.

– Подумать только, подумать только, – сказала мама, щурясь от солнца. – Жизнь все-таки по-настоящему волшебная. Думаешь, что серебряный поднос годится только для одного дела, а оказывается, для

чего-то другого он еще удобнее. И все мне твердили: "Незачем варить столько варенья", – а оказалось, что оно все съедено.

Муми-тролль покраснел.

– Мю рассказала тебе... – начал он.

– Конечно, – сказала мама. – Спасибо! Хорошо, что ты позаботился о гостях, так что мне не пришлось краснеть за тебя. И знаешь, дом стал теперь гораздо просторней без всех этих ковров и безделушек. Кроме того, не придется так часто убирать.

Взяв немного снега, мама слепила снежок. Она бросила его, как обычно это делают мамы, довольно неуклюже, и он – бац! – плюхнулся неподалеку от них.

– Вот так так! – рассмеялась мама. – Юнк и то сделал бы лучше.

– Мама, я ужасно тебя люблю, – признался Мумитролль.

Они медленно двинулись дальше по склону к мосту, но в почтовом ящике было пусто, письма еще не пришли. Длинные вечерние тени ложились на долину, и повсюду царили мир и удивительная тишина.

Мама села на перила моста и сказала:

– А теперь наконец я хочу чуточку больше услышать о нашем предке.

На другой день все семейство разом проснулось. И проснулось точно так же, как просыпалось всегда с наступлением весны, – от громких и веселых звуков шарманки.

Туу-тики в своей вывернутой наизнанку небесноголубой шапочке стояла под весенней каплей и вертела ручку шарманки, а небо было таким же голубым, как ее шапочка. И солнце отсвечивало в серебряной оковке шарманки.

Рядом с Туу-тики сидела малышка Мю – ужасно гордая, но к гордости ее примешивалась и доля смущения, потому что она собственными лапками пыталась заштопать грелку кофейника и начистила серебряный поднос песком. Ни грелка, ни поднос нисколько лучше от этого не стали, но, быть может, добрые намерения важнее результата.

Далеко-далеко на холме брела сонная Мюмла, тащившая за собой ковер из гостиной, на котором она проспала всю зиму. Сегодня весна решила быть не столько поэтичной, сколько шумной и веселой. Она выпустила в небо стайку беспорядочных редких облачков, она смела последний снег с крыш, она разрисовала повсюду холмы – словом, весна вовсю играла в апрель.

– Я проснулась! – полная радостного ожидания, воскликнула фрекен Снорк.

Дружески потеревшись мордочкой о ее носик, Муми-тролль сказал:

– Счастливой весны!

А сам тут же задумался: сможет ли он когда-нибудь рассказать ей про свою зиму так, чтобы она все поняла?

Он увидел, как фрекен Снорк побежала к шкафу, чтобы вытащить оттуда зеленую весеннюю шляпу.

Он увидел, как его папа, взяв анемометр и лопату, выходит на веранду.

Туу-тикки без устали играла на шарманке, а солнечные лучи струились в долину, словно силы природы просили прощения за то, что еще совсем недавно были так недружелюбны к своим собственным созданиям.

"Сегодня должен прийти Снусмумрик, – подумал Муми-тролль. – Сегодня очень подходящий день для возвращения".

Стоя тихонько на веранде, он видел, как суетится на холме все его семейство, окончательно проснувшееся и, как всегда, радостное.

Он поймал взгляд Туу-тикки. Доиграв вальс до конца, она засмеялась и сказала:

– Ну, теперь купальня свободна!

– Я думаю, что единственно, кто и дальше может жить в купальне, это сама Туу-тикки, – сказала Муми-мама. – Да и, кроме того, иметь купальню – буржуазный предрассудок. А плавки и купальники можно с таким же успехом надевать прямо на пляже.

– Большое спасибо, – сказала Туу-тикки. – Я подумаю.

И, продолжая играть на шарманке, она отправилась дальше в долину, чтобы разбудить всех спящих малышей.

А фрекен Снорк меж тем нашла первый росток крокуса. Он пробился на волю из теплого клочка земли под окном на южной стороне и еще даже не зазеленел.

– На ночь мы прикроем его стаканом, – сказала фрекен Снорк, – чтобы он не погиб ночью, когда станет холодно.

– Не надо, – рассердился Муми-тролль. – Пусть справляется собственными силами. Я думаю, он вырастет крепче, если ему придется трудновато!

Внезапно Муми-троллю стало так радостно, что ему захотелось остаться одному, и он медленно поплелся к деревянному сараю.

И когда никто уже не мог его видеть, Муми-тролль пустился бежать. Он бежал по тающему снегу, а солнце жгло ему спину. Он бежал только потому, что был счастлив и вообще ни о чем не думал.

Он добежал до самого берега, выбежал на причал и промчался через пустую купальню, где гулял ветер.

Потом он уселся на крутую лесенку купальни, к которой подкатывали волны весеннего моря.

Сюда уже едва доносились звуки шарманки, игравшей далеко-далеко в долине.

Муми-тролль закрыл глаза и попытался вспомнить, как это было, когда море, покрытое льдом, сливалось с темным небом.

Карта Муми-дола

Карта Муми-дола

